

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра

«Гражданское право и процесс»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Гражданское право и международное частное право

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему Актуальные проблемы ограничения родительских прав

Обучающийся

И.И. Петров

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный

руководитель

к.ю.н., доцент, А.Н. Федорова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Общая характеристика института ограничения родительских прав.....	7
1.1 Понятие и правовая природа ограничения родительских прав.....	7
1.2 Становление института ограничения родительских прав в отечественном законодательстве.....	16
Глава 2 Актуальные проблемы ограничения родительских прав в законодательстве Российской Федерации.....	22
2.1 Проблемы реализации оснований ограничения родительских прав.....	22
2.2 Актуальные вопросы процедуры ограничения и отмены ограничения родительских прав.....	37
Глава 3 Особенности института ограничения родительских прав в зарубежных странах.....	53
3.1 Ограничение родительских прав в законодательстве стран СНГ.....	53
3.2 Ограничение родительских прав в странах Европы.....	55
Заключение.....	60
Список используемой литературы.....	66

Введение

Семья является ключевым институтом современного Российского общества. Защита семьи, материнства и детства со стороны государства закреплена в ст. 38 Конституции Российской Федерации. Также, данной статьей устанавливается, что забота о детях и их воспитание в равной степени являются правом и обязанностью родителей. Семейное законодательство Российской Федерации основывается на принципах приоритета семейного воспитания детей, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи и обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав. В п. 1 ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации (далее СК РФ) закреплено преимущественное право родителей на воспитание своих детей перед всеми другими лицами.

Как справедливо отмечается, семья – не только малая группа людей, связанная между собой кровным родством или брачным союзом, но и фундаментальный социальный институт, в котором зарождаются семейные нормы, реализуются принципы культуры, формируются основы воспитания личности. Именно на родителях лежит обязанность заботиться, воспитывать, защищать интересы своих детей. Значимость данных действий заключается в том, что приобретенные ребенком навыки, ценности, умения в юные годы он сохраняет в течение всей своей жизни и «закладывает» их при создании собственной семьи, вступая в брак [32].

К сожалению, семья, природное предназначение которой заключается в обеспечении защиты и гармоничного развития будущих поколений, не всегда может обеспечить ребенку должный уровень безопасности и создать необходимые условия для его нормального развития. Как отмечается в научной литературе во все времена наблюдались и такие случаи, когда пребывание ребенка в семье оказывало отрицательное влияние. К таким ситуациям можно отнести: проживание несовершеннолетнего в условиях, не соответствующих санитарным требованиям; не осуществление должного

надзора за ребенком в вечернее и ночное время; препятствие в получении образования или надлежащей медицинской помощи; отсутствие со стороны родителей заботы и внимания, в результате чего несовершеннолетнему нанесен моральный либо физический ущерб; жестокое обращение, которое может быть как физическим, так и психическим [32].

Тем не менее, независимо от того, что стало причинами такого явления, во всех случаях, когда создается реальная угроза жизни, здоровью и нормальному развитию несовершеннолетнего ребенка, государство вынуждено вмешаться в наиболее личный и закрытый сегмент общественных отношений. Как отмечалось: «Наиболее радикальной формой такого вмешательства в правоотношения между родителями и детьми является институт лишения родительских прав, подразумевающий их полное прекращение. Однако, данная мера является исключительной, и не всегда может обеспечить соразмерность последствий её применения конкретным жизненным обстоятельствам.

Более мягкой и гибкой мерой, призванной не только обеспечить защиту прав и интересов детей, но также и обеспечить возможность возвращения в будущем к полноценному семейному воспитанию является ограничение родительских прав» [33, с. 4-5].

Значимость семейных отношений и возможности восстановления семьи находит свое отражение и в зарубежной правовой доктрине [55], а также практике по делам, связанным с семейными правоотношениями [54].

Специфичность и неоднозначность правоотношений, возникающих при ограничении родительских прав, направленность современной семейно-правовой доктрины на укрепление семьи и семейных отношений, обуславливают актуальность выбранной темы исследования.

Целью работы является комплексное исследование теоретических и практических аспектов института ограничения родительских прав, его специфики и особенностей, эффективности и перспектив развития.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- раскрыть понятие «ограничение родительских прав», исследовать вопрос определения правовой природы данного института;
- рассмотреть процесс становления института ограничения родительских прав в отечественном законодательстве;
- рассмотреть актуальные проблемы реализации оснований ограничения родительских прав;
- рассмотреть актуальные вопросы процедуры ограничения родительских;
- рассмотреть зарубежный опыт в регулировании аналогичных правоотношений.

Объектом настоящего исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе реализации института ограничения родительских прав.

Предметом исследования выступают правовые нормы, регулирующие институт ограничения родительских прав, основания, порядок и последствия его применения.

Гипотеза исследования: институт ограничения родительских прав является важной мерой, направленной на защиту интересов детей, дальнейшее развитие которой видится в конкретизации некоторых аспектов ее правового регулирования.

Теоретическая и практическая значимость работы обусловлена возможностью дальнейшего применения полученных результатов в научной и практической сферах.

Научная новизна работы заключается в проведении комплексного исследования института ограничения родительских прав и определения путей дальнейшего совершенствования его правового регулирования.

Методологическую основу данного исследования составили общенаучные диалектический и логический методы, а также частнонаучные методы: системного анализа, сравнительно-правовой и формально-юридический.

Теоретическую базу исследования составили труды Е.П. Бурдо, С.В. Ворониной, С.П. Гришаева, В.А. Дергуновой, Н.В. Кравчук, Е.А. Красникова, Т.В. Красновой, Р.А. Курбанова, Е.Г. Куропацкой, Л.А. Кучинской, Л.В. Ладочкиной, Е.Т. Летуновой, И.И. Ординарцева, М.В. Петровой, С.И. Смирновской, А.Н. Тарасенковой, М.В. Федоровой, С.С. Шарипова, П.А. Якушева, содержащие наиболее актуальные исследования в данной области.

Нормативную базу исследования составили Конституция РФ, Семейный кодекс РФ и другие федеральные законы.

Эмпирическую базу исследования составили материалы судебной практики.

При написании работы также были использованы акты иностранных государств.

Структура работы представлена введением, тремя главами, подразделенными на шесть параграфов, заключением и списком используемых источников.

Положения, выносимые на защиту:

- необходимо внести изменения в п. 1 ст. 73 СК РФ и п. 1 ст. 76 СК РФ для более точного определения места ограничения родительских прав в системе мер защиты интересов ребенка;
- отсутствие четкого определения критерия «опасность», а также оценочный характер оснований ограничения родительских прав требуют соответствующих разъяснений со стороны Верховного Суда РФ;
- необходимо усилить роль органов опеки и попечительства в вопросах, связанных с контактами детей с родителями, ограниченными в родительских правах;
- необходимо уточнить положения Пленума Верховного Суда РФ, связанные с процессуальными аспектами ограничения родительских прав.

Глава 1 Общая характеристика института ограничения родительских прав

1.1 Понятие и правовая природа ограничения родительских прав

Действующее законодательство не содержит дефиниции «ограничение родительских прав». В связи с этим для раскрытия вопроса, связанного с понятием ограничения родительских прав обратимся к научным трудам, в которых существует несколько подходов к раскрытию данного понятия.

В частности, вопрос, связанный с понятием данного института семейного права, рассматривает П.А. Якушев. Автор указывает, что ограничение родительских прав – это осуществляемое на основании решения суда с учетом интересов ребенка отобрание ребенка у родителей (одного из них) без лишения родительских прав [49, с. 124].

В данном случае в основе дефиниции лежит положение, закрепленное в статье 73 СК РФ. При этом в ней, как и в указанной статье, происходит отождествление двух понятий – ограничение родительских прав и отобрание ребенка.

Иного подхода к определению понятия ограничения родительских прав придерживается Л.В. Ладочкина [28, с. 102]. В данном случае автор рассматривает его в качестве меры государственного принуждения. При этом отобрание ребенка выступает уже в качестве последствия применения данной меры. Представляется, что такое соотношение двух понятий является более верным.

Е.П. Бурдо, раскрывая понятие данного института, указывает, что оно представляет собой полное изолирование ребенка от родителей. При этом автор указывает, что в данном случае подлежат сохранению родительские права [3, с. 81].

Представляется, что указание на полный характер изоляции ребенка от родителей в последней дефиниции является спорным, так как действующее

законодательство допускает с соблюдением определенных условий контакты ребенка с родителем, чьи родительские права были ограничены.

Рассмотрев дефиниции, сформулированные учеными, занимающимися разработкой вопросов в данной сфере, можно отметить следующее. В настоящее время в правовой доктрине отсутствует единый подход к определению рассматриваемого понятия. Раскрывая данный вопрос, некоторые ученые опираются на положения действующего законодательства. В других же случаях в основу положены аспекты, обусловленные общими доктринальными положениями. Кроме того, учитывается также и правовая природа рассматриваемого института. Необходимо отметить, что в рамках всех из рассмотренных дефиниций можно выделить как достоинства, так и определенные недостатки. Каждое из них по-своему раскрывает данное понятие, акцентируясь на той или иной его грани. При рассмотрении данных определений в совокупности становится очевидной многоаспектность данного института. Кроме того, это позволяет лучше понять его место среди иных институтов действующего семейного права.

В Семейном кодексе РФ ограничению родительских прав посвящена статья 73 СК РФ, в которой предусмотрено, что суд может с учетом интересов ребенка принять решение об отобрании ребенка у родителей (одного из них) без лишения их родительских прав (ограничении родительских прав).

Проанализировав данное положение Семейного кодекса РФ необходимо отметить следующее. В случае, ограничения родительских прав, как и в случае их лишения, происходит отобрание ребенка у родителей. В тоже время, исходя из данной формулировки можно прийти к выводу, что ограничение родительских прав и отобрание ребенка являются синонимичными понятиями. Здесь необходимо отметить, что ст. 77 СК РФ закрепляет еще одну меру защиты интересов несовершеннолетних – отобрание ребенка при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью. Таким образом, на наш взгляд, действующая редакция ст. 73 СК РФ, не в полной мере определяет место рассматриваемого института среди иных мер защиты интересов детей.

На данную особенность обращают внимание Т.В. Краснова и Л.А. Кучинская [26, с. 69]. Авторы указывают, что между мерами, предусмотренными ст. 73 СК РФ и ст. 77 СК РФ, присутствуют серьезные отличия. Так, в первом случае происходит изменение родительского правоотношения. При этом отобрание ребенка является уже последствием данного изменения, выражающегося в уменьшении объема родительских прав. Реализация же второй меры не имеет непосредственную направленность на уменьшение объема родительских прав или их прекращение. В данном случае ключевым является изъятие ребенка из той обстановки, которой обусловлено наличие угроз для его жизни или здоровья.

Также авторами отмечается следующее. С позиции законодателя отобрание ребенка выступает последствием ограничения родительских прав. Применение формулировки, содержащейся в действующей редакции, связано с особенностями используемой юридической техники.

Аналогичную точку зрения высказывает Н.В. Кравчук [23, с. 11]. При этом автор указывает на наличие принципиальных отличий между рассматриваемыми мерами. В качестве же общего для данных институтов называется наличие физического изъятие ребенка из семьи.

Необходимо отметить, что отобрание ребенка у родителей является также последствием лишения родительских прав. При этом ст. 69 СК РФ, регулирующая данный институт семейного права, имеет значительно более краткую и однозначную формулировку: «Родители (один из них) могут быть лишены родительских прав, если они...».

Ввиду всего вышеизложенного, видится обоснованным предложение ряда ученых об изъятии из формулировки п. 1 ст. 73 СК РФ положений относительно отобрания ребенка и изложение её в новой редакции: «Суд может с учетом интересов ребенка принять решение об ограничении родительских прав» [43, с. 85].

На наш взгляд внесение соответствующих изменений будет иметь ряд положительных последствий. В первую очередь это исключит предпосылки

для неверного толкования данного положения нормативно-правового акта, в рамках которого возможно отождествление двух абсолютно разных институтов семейного права. Также это приведет к единому подходу в формулировании положений нормативно-правового акта, закрепляющих смежные меры ограничения и лишения родительских прав.

Не менее активно чем вопрос, связанный с понятием, в правовой доктрине разрабатывается вопрос, связанный с правовой природой данного института. Ключевым аспектом, лежащим в основе дискуссии вокруг правовой природы рассматриваемого института, являются основания, с которыми закон связывает возможность применения данной меры. Проблемы реализации оснований ограничения родительских прав будут рассмотрены во второй главе работы. На данном этапе отметим, что согласно п. 2 ст. 73 СК РФ ограничение родительских прав допускается, если оставление ребенка с родителями (одним из них) опасно для ребенка по обстоятельствам, от родителей (одного из них) не зависящим, а также в тех случаях, если оставление ребенка с родителями (одним из них) вследствие их поведения является опасным для ребенка, но не установлены достаточные основания для лишения родителей (одного из них) родительских прав.

Именно наличие двух принципиально различных групп оснований для реализации данного института семейного права обуславливает вопрос относительно его правовой природы – относится ли он исключительно к мере ответственности родителей или же его природа более сложная?

Как и по вопросу, рассмотренному в начале настоящего параграфа, в правовой доктрине в настоящее время сформировано несколько порой достаточно сильно отличающихся точек зрения по данному вопросу.

В ряде случаев данный институт рассматривается исключительно в качестве меры, направленной на защиту прав и интересов несовершеннолетнего. При этом он противопоставляется лишению родительских прав. В качестве ключевой цели, с которой он реализуется, выделяется защита ребенка в ситуации, когда его последующее пребывание с

родителями ставит под угрозу его жизнь, здоровье, нормальное воспитание и полноценное развитие. Наказание родителей к данной цели не относится. В связи с этим, как указывают авторы, не имеет значения, обусловлено ли наличие указанной выше ситуации виновным поведением родителей или нет. Главным выступает защита ребенка от соответствующей опасности [21, с. 176].

На наш взгляд, с данной позицией нельзя согласиться по ряду причин. Прежде всего представляется некорректным противопоставление с лишением родительских прав, поскольку в рамках обоих институтов ключевым является защита ребенка, а не наказание родителей. Также нельзя согласиться с позицией, что основания, в связи с которыми была применена данная мера, не имеют значения. Это обусловлено тем, что несмотря на то, что ограничение действительно возможно в обеих ситуациях, в случае если права были ограничены из-за виновного поведения родителей, в дальнейшем к ним в установленных законом случае и порядке будет предъявлен иск о лишении родительских прав. Если же ограничение не было связано с сознательным поведением родителей, оно будет иметь бессрочный характер.

Согласно диаметрально противоположной точке зрения институт, являющийся предметом исследования, представляет собой исключительно меру ответственности, возлагаемую на родителей в связи с их недостойным поведением [45, с. 119].

Существует также точки зрения, согласно которым данный институт в зависимости от оснований его реализации может представлять собой как способ защиты интересов ребенка, так и меру ответственности его родителей. Мерой защиты он выступает в случае его применения по основаниям, не обусловленным виновным поведением родителей или одного из них. В противном случае ограничение прав выступает в качестве меры ответственности. В последнем случае также указывается на предупредительную функцию. Это связано с тем обстоятельством, что отсутствие положительного изменения в поведении родителей, непременно

приводит к лишению родительских прав [26, с. 72] [24, с. 207].

В рамках вопроса о предупредительной функции рассматриваемого института отмечается, что период, в течение которого родители должны изменить свое поведение и который в настоящее время составляет шесть месяцев, необходимо увеличить. В частности, указывается на необходимость его увеличения в два раза. Помимо этого, предлагается предусмотреть наличие испытательного срока. Кроме того, указывается на необходимость установления надзора со стороны органа опеки и попечительства за поведением родителей по отношению к ребенку [11].

Представляется, что для полноценной оценки данных предложений, а также перспектив внесения соответствующих изменений, требуется проведение комплексного исследования. В частности, необходимо обобщение и анализ материалов правоприменительной практики, связанной с рассматриваемым вопросом.

Рассматривая вопрос о правовой природе ограничения родительских прав, Е.П. Бурдо также отмечает, что оно может выступать и в качестве меры ответственности, и в качестве меры защиты несовершеннолетнего. Разграничения, как и в позиции, рассмотренной ранее, проводится в зависимости от оснований, которыми вызвано ограничение, а непосредственно от того обстоятельства, присутствует или отсутствует виновное поведение родителей [3, с. 82].

Анализируя рассмотренные выше позиции, нельзя согласиться с точкой зрения, что ограничение прав является мерой защиты только в случае применения данной меры из-за обстоятельств, не зависящих от родителей. Защита интересов ребенка является ключевой целью ограничения родительских прав независимо от оснований, в силу которых родители были ограничены в правах. К данному выводу можно прийти исходя из содержания п. 1 ст. 73 СК РФ, предусматривающего, что решение об ограничении родительских прав принимается с учетом интересов ребенка.

С учетом вышеизложенного представляется обоснованной точка зрения,

согласно которой данный институт является мерой ответственности в случае его реализации в связи с виновным поведением родителей и предупредительной мерой, если основания его применения, не связаны с виновным поведением родителей. В качестве первой он выступает если основанием для ограничения является недостойное поведение родителей. В качестве второй – если ограничение обусловлено неспособностью родителей понимать своих действий и руководить ими, либо у них присутствует тяжелое заболевание. При этом в качестве основной цели применения ограничения родительских прав выступает обеспечение защиты интересов ребенка, а не наказание родителей [10].

Одновременно и в качестве меры семейно-правовой ответственности, и в качестве меры защиты ребенка, носящей превентивный характер, рассматривает данный институт и П.А. Якушев [50, с. 102]. К первому случаю относится установление ограничения в ситуации, когда со стороны родителей присутствует ненадлежащее исполнение своих обязанностей, однако отсутствуют основания, достаточные для лишения родительских прав. Ко второму – установление ограничения в связи с обстоятельствами, которые не зависят от родителей.

Ерохина Е.В., Петрунина Т.А. отмечают, что ограничение родительских прав является дифференцированной санкцией [15].

Необходимо отметить, что вопрос, связанный с правовой природой данного института, имеет значение не только в рамках научных исследований. В частности, наличие двойственной правовой природы, делает необоснованным предложение перенести рассматриваемый институт в рамки административного права, внося необходимые изменения в Кодекс об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ [20]) [16, с. 105].

Отметим, что в рамках научных исследований встречаются точки зрения, в рамках которых осуществляется расширительное толкование данного института. В частности, С.И. Смирновской предлагается классификация видов ограничения родительских прав, предусматривающая их

подразделение на прямые и косвенные, оправданные и неоправданные, обоснованные и необоснованные [43, с. 85].

В качестве прямого ограничения рассматривается применение меры, предусмотренной ст. 73 СК РФ, то есть непосредственно ограничение родительских прав. К числу косвенных отнесено назначение опекуна ребенку не состоящих в браке несовершеннолетних родителей до достижения последними возраста шестнадцати лет в рамках п. 2 ст. 62 СК РФ. Также к данной категории отнесено правовое положение родителя, проживающего отдельно от ребенка. Последнее регулируется положениями ст. 66 СК РФ.

К оправданным ограничениям в рамках данной классификации отнесены те из них, которые направлены на обеспечение защиты интересов ребенка. К их числу отнесены передача судом ребенка на попечение органа опеки и попечительства в случае, если ни родитель, ни лицо, у которого находится ребенок, не могут обеспечить его полноценное воспитание и развитие в рамках п. 2 ст. 63 СК РФ. Также в качестве оправданного ограничения рассматривается положение п. 3 ст. 48 СК РФ, предусматривающего, что отцовство лица, не состоящего в браке с матерью ребенка, в случае смерти матери, признания ее недееспособной, невозможности установления места нахождения матери или в случае лишения ее родительских прав устанавливается по заявлению отца ребенка с согласия органа опеки и попечительства, при отсутствии такого согласия - по решению суда. К неоправданным отнесены те ограничения, при которых происходит нарушение личных прав субъектов семейных правоотношений. Среди последних автор называет положение, в силу которого на суд возложена обязанность по определению места жительства ребенка в случае расторжения брака между его родителями при отсутствии между ними соглашения по данному поводу. В этом по мнению автора усматривается вмешательство суда в личную жизнь родителей.

В качестве обоснованных рассматриваются ограничения, которые характеризуются одновременным присутствием таких черт, как наличие

четкой правовой базы и реализация основной функции ограничения – защиты прав ребенка. К числу необоснованных отнесено положение п. 2 ст. 64 СК РФ в силу которого родители не вправе представлять интересы своих детей, если органом опеки и попечительства установлено, что между интересами родителей и детей имеются противоречия.

На наш взгляд, в рамках рассмотренной выше классификации происходит смешение ограничений отдельных правомочий родителей и отдельного института ограничения родительских прав, рассматриваемого в рамках настоящей работы. Иные ограничения, включенные в данную классификацию, характеризуются абсолютно другими основаниями их реализации. Кроме того, в рамках этих ограничений отсутствует основное последствие, которое является характерным для ограничения родительских прав, а именно отобрание ребенка у родителей.

Из позиции С.В. Ворониной также следует, что назначение представителя в соответствии с п. 2 ст. 64 СК РФ не может рассматриваться в качестве разновидности института семейного права, предусмотренного ст. 73 СК РФ [5, с. 4].

Исходя из вышеизложенного можно прийти к следующим выводам.

Институту, рассматриваемому в рамках настоящей работы, характерно наличие двойственной правовой природы. В зависимости от оснований его применения он может выступать и как мера семейно-правовой ответственности и как мера защиты ребенка. Мерой ответственности для родителей оно является в случае, если ограничение прав вызвано виновным поведением родителей, в силу которого дальнейшее пребывание с ними ребенка представляет для него опасность. В этом случае ограничение родительских прав выполняет также и превентивную функцию. Последнее обусловлено тем обстоятельством, что при отсутствии изменений в поведении родителей они будут лишены родительских прав. Исключительно же мерой защиты ограничение родительских прав является тогда, когда соответствующее решение принимается в связи с обстоятельствами, которые

не зависят от родителей. При этом, независимо от оснований ограничения родительских прав, ключевой целью данного института является защита прав и интересов ребенка, а также обеспечение его безопасности и полноценного развития.

1.2 Становление института ограничения родительских прав в отечественном законодательстве

Для исследования вопросов, связанных со становлением института ограничения родительских прав в отечественном законодательстве, обратимся к ранее действовавшим нормативным актам.

До 1917 года родительская власть была практически безграничной. Она распространялась на детей обоего пола и всякого возраста. Ее ограничение было связано с поступлением детей в общественные училища, определением их на военную службу и вступлением дочерей в брак [4].

Иной подход стал формироваться после 1917 года.

Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 года [18] в качестве единственной меры воздействия на родителей за неправомерное осуществление ими родительских прав закрепляет лишение родительских прав. При этом, как отмечают Л.В. Гнетова и Т.Б. Гуляева, данный нормативный акт не содержал прямого указания на те случаи, когда должно было быть применено лишение родительских прав, указывалось только на необходимость лишения этих прав «при неправомерном их осуществлении» [7].

В дальнейшем Декретом ВЦИК, СНК РСФСР от 17 мая 1926 года «Об изменении статей 153, 161 и 169 Кодекса Законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском прав» [12] (далее – Декрет от 17.05.1926) статья 153 Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 года была изложена в следующей редакции: «Родительские права осуществляются исключительно в интересах

детей. Родителей, не выполняющих своих обязанностей, неправомерно осуществляющих свои права или жестоко обращающихся с детьми, суд может лишить родительских прав в отношении этих детей на любой срок, полностью или частью, и передать детей на попечение органам опеки и попечительства. Суд может постановить об отобрании детей от родителей, хотя бы из них только один был лишен родительских прав.

Примечание 1. Дела о лишении родительских прав подсудны народному суду и могут быть возбуждаемы как представителями государственной власти, так и частными лицами.

Примечание 2. Органам опеки предоставляется право, впредь до решения суда, выносить постановление об отобрании детей от родителей и других лиц, на попечении которых дети находятся, если пребывание у этих лиц опасно для детей.

Примечание 3. Ходатайство о восстановлении родительских прав не может быть возбуждено лишенным их до истечения года».

Г.В. Дрижак усматривает в предоставленном судам праве частично лишить родителей родительских прав собственно ограничение родительских прав, сформулированное законодателем таким образом [14].

Тем не менее на данном этапе законодатель еще не выделяет самостоятельную процедуру, отличную от лишения родительских прав, также не сформулированы самостоятельные основания ее применения.

Интерес в рамках исследования представляет также введенное данным декретом Примечание 2 к рассматриваемой статье, которое предоставляло органам опеки и попечительства право «впредь до решения суда, выносить постановление об отобрании детей от родителей и других лиц, на попечении которых дети находятся, если пребывание у этих лиц опасно для детей».

В данной норме отчетливо прослеживаются основные характерные черты отобрания ребенка при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью, предусмотренного ст. 77 СК РФ.

Во-первых, обе меры применяются в тех случаях, когда дальнейшее

пребывание ребенка у родителей или лиц, на попечении которых он находится, представляет непосредственную угрозу для его жизни или здоровья («опасно» по терминологии Декрета от 17.05.1926). То есть ключевым аспектом в данном случае является фактическое изъятие ребенка из опасной для него обстановки.

Во-вторых, установлен административный порядок применения данных мер.

И, в-третьих, в отличие от лишения и ограничения родительских прав они могут применяться не только по отношению к родителям, но и к другим лицам, на попечении которых находятся дети.

Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 года [35] в отношении лишения родительских прав практически полностью вернулся к первоначальной формулировке ст. 153 Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 года. В соответствии со ст. 33 данного нормативно-правового акта родительские права осуществляются исключительно в интересах детей, и при неправомерном их осуществлении суду предоставляется лишать родителей их прав.

При этом законодатель в ст. 46 закрепил отдельную процедуру. В соответствии с указанной статьей в случае невыполнения родителями своих обязанностей или неправомерного осуществления ими своих прав по отношению к детям, а также в случае жестокого обращения с детьми суд постановляет решение об отобрании детей от родителей и передаче детей на попечение органам опеки и попечительства, при чем суд может постановить решение о присуждении содержания ребенку с обоих родителей.

В соответствии с примечанием к данной статье органам опеки предоставляется право, впредь до разрешения суда, выносить постановление об отобрании от родителей и других лиц, на попечении которых находятся дети, если оставление детей у этих лиц опасно для ребенка.

Рассматриваемая статья не содержит требования об обязательном рассмотрении вопроса о лишении родителей родительских прав в случае постановления судом решения об отобрании ребенка. Таким образом, как

отмечают А.Г. Галкин и Е.И. Джадан, правоприменителю предоставлялось право использовать судебную процедуру отобрания ребенка у родителей, не связанную с лишением родительских прав [6].

С учетом этого, а также исходя из места данной процедуры среди самостоятельной процедуры лишения родительских прав и выделенного отдельно, хотя и в рамках той же статьи, отобрания ребенка в административном порядке, можно согласиться с мнением, что предусмотренная ст. 46 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 года процедура судебного отобрания ребенка является прообразом ограничения родительских прав, предусмотренного ст. 73 СК РФ [25].

Статья 64 Кодекса о браке и семье РСФСР [19] еще больше приближена к положениям современного законодательства, устанавливая, что суд может принять решение об отобрании ребенка и передаче его на попечение органов опеки и попечительства, независимо от лишения родительских прав, если оставление ребенка у лиц, у которых он находится, опасно для него.

При этом, в рамках Кодекса о браке и семье РСФСР законодатель не выделял отобрание ребенка в административном порядке в качестве отдельной процедуры, что в совокупности с возможностью применения процедуры, предусмотренной ст. 64, исходя из дословного толкования данной статьи, не только к родителям, но и к другим лицам, позволяет прийти к выводу о смещении на данном этапе отобрания ребенка у родителей в судебном порядке с отобранием ребенка у родителей и иных лиц, на попечении которых он находится, в административном порядке.

При этом абзац второй данной статьи устанавливает, что, если отпадут причины, послужившие основанием к отобранию ребенка, суд по иску родителей или прокурора, исходя из интересов ребенка, может вынести решение о возвращении его родителям. Данное положение также является прямым предшественником статьи 76 Семейного кодекса РФ, регламентирующей отмену ограничения родительских прав.

С принятием в 1995 году действующего Семейного кодекса институт

ограничения родительских прав получил более детальную правовую регламентацию. Так помимо ст. 73, закрепляющей саму возможность ограничения родительских прав и основания такого ограничения, предусмотрены отдельные статьи, регламентирующие последствия ограничения родительских прав, контакты ребенка с родителем, родительские права которого ограничены судом, а также отмену ограничения родительских прав.

Как отмечалось ранее, п. 1 ст. 73 СК РФ, устанавливающий, что «суд может с учетом интересов ребенка принять решение об отобрании ребенка у родителей (одного из них) без лишения их родительских прав (ограничении родительских прав)» по своему содержанию близка к ст. 64 Кодекса о браке и семье РСФСР, которая предусматривала, что «суд может принять решение об отобрании ребенка и передаче его на попечение органов опеки и попечительства, независимо от лишения родительских прав, если оставление ребенка у лиц, у которых он находится, опасно для него».

В связи с этим, можно предположить, что законодатель, разрабатывая Семейный кодекс РФ опирался на опыт предшествующего нормативного акта. Возможно, именно этим обусловлена своеобразность действующей редакции п. 1 ст. 73 СК РФ, рассматривающей ограничение родительских прав как отобрание ребенка у родителей без лишения их родительских прав.

Представляется, что в данной формулировке в полной мере отражается процесс развития отечественного законодательства, регламентирующего ограничение родительских прав, становление ограничения родительских прав в качестве самостоятельного института, а также его дифференциация от смежных институтов лишения родительских прав и отобрания ребенка при непосредственной угрозе жизни или его здоровью.

Однако, на наш взгляд, такая «промежуточная» формулировка уже не отвечает структуре действующего Семейного кодекса РФ и системе мер, направленных на защиту ребенка. Поэтому, как отмечалось ранее, представляется целесообразным изменение п. 1 ст. 73 СК РФ, с изложением

его в следующей редакции: «Суд может с учетом интересов ребенка принять решение об ограничении родительских прав».

Таким образом, проведя анализ становления института ограничения родительских прав в отечественном законодательстве, необходимо отметить, что на протяжении всего развития семейного права в XX веке шло непрерывное развитие и выделение в самостоятельный институт процедуры, именуемой в действующем законодательстве ограничением родительских прав.

Основные изменения законодательства, связанные с данным вопросом, обусловлены определением места ограничения родительских прав среди других институтов, направленных на защиту интересов ребенка. Помимо выделения ограничения родительских прав из предусмотренного изначально лишения родительских прав, существенным также являлось соотношение данного института с отобранием ребенка в административном порядке.

Как можно заметить из проведенного анализа, данный путь не был прямым – в поисках оптимального варианта правового регулирования законодатели объединяли или напротив максимально дифференцировали данные институты друг от друга. Представляется, что действующая система защиты интересов ребенка, включающая самостоятельные институты лишения родительских прав, ограничения родительских прав и отобрания ребенка при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью, является наиболее оптимальным соотношением данных институтов и основана на обобщении всего накопленного опыта. При этом, как отмечалось выше, процесс дифференциации ограничения родительских прав от отобрания ребенка при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью требует своего логического, пусть и в большей степени формального, завершения.

Глава 2 Актуальные проблемы ограничения родительских прав в законодательстве Российской Федерации

2.1 Проблемы реализации оснований ограничения родительских прав

Ранее было отмечено, что действующим законодательством выделяется две группы оснований, в связи с которыми могут быть ограничены родительские права. Ключевым отличием является тот фактор, в силу которого возникла ситуация, которая несет в себе угрозу для жизни, здоровья, а также нормального развития несовершеннолетнего. В первую группу входят основания, существование которых обусловлено причинами, не связанными с сознательным поведением родителей. Вторая включает те из оснований, которые обусловлены сознательным поведением родителей.

Рассмотрим проблемные вопросы реализации оснований, относящихся к первой из названных групп.

В п. 2 ст. 73 СК РФ установлено, что ограничение родительских прав допускается, если оставление ребенка с родителями (одним из них) опасно для ребенка по обстоятельствам, от родителей (одного из них) не зависящим (психическое расстройство или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств и другие).

Как можно заметить, перечень оснований является в данном случае открытым. Указана общая характеристика данной группы оснований, а также приведены отдельные примеры, с которыми закон связывает применение данной меры защиты.

В рамках правовой доктрины выделяются еще несколько оснований входящих в данную группу. Во-первых, наличие серьезного инфекционного заболевания. Во-вторых – слабоумия. Во втором случае речь идет о такой форме течения заболевания, которая не позволяет родителю совершать разумные поступки, реализовывать заботу о ребенке в необходимом объеме.

В-третьих – наличие инвалидности сильной степени. В-четвертых – наличие пороков физического развития [34, с. 17] [3, с. 83].

Наличие открытого перечня в рамках рассматриваемой статьи представляется более чем обоснованным. Это связано прежде всего с двумя причинами. Во-первых, отсутствует реальная возможность предусмотреть в рамках одной статьи нормативно-правового акта все жизненные обстоятельства, которые в силу создаваемой ими угрозы для ребенка, могут послужить основанием для ограничения прав. Во-вторых, в этом нет необходимости с точки зрения практической реализации данного института. Отнесение той или иной жизненной ситуации к числу обстоятельств, выступающих основанием для применения данной меры, остается в компетенции суда. Как отмечается в рамках научных исследований ключевым при разрешении данного вопроса является критерий, связанный с присутствием опасности для ребенка в семье [34, с. 17] [3, с. 83].

Категория «опасность» в контексте рассматриваемых положений законодательства характеризуется наличием оценочного характера. В рамках правоприменительной практики с данной категорией связана определенная неоднозначность в ее применении. Последнее обусловлено тем обстоятельством, что действующая редакция Семейного кодекса РФ, не содержит положений, раскрывающих данное понятие. Отсутствуют соответствующие разъяснения и в актах Верховного Суда РФ. Таким образом возникает закономерный вопрос – что понимается под опасностью для ребенка в рамках анализируемого института?

С.И. Смирновская рассуждая над этим вопросом обращается к положениям Федерального закона № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [47], а непосредственно к определению, характеризующему семью, находящуюся в социально-опасном положении, в которой родителями или иными законными представителями несовершеннолетних не исполняются возложенные на них обязанности по воспитанию, обучению и содержанию несовершеннолетних и

(или) оказывается отрицательное влияние на их поведение либо имеет место жестокое обращение с ними [43, с. 85].

Обратим внимание, что в указанном нормативно-правовом акте содержится также еще одно определение, которое может быть рассмотрено в рамках поставленного вопроса. Так в соответствии со ст. 1 данного закона, «несовершеннолетний, находящийся в социально опасном положении, - лицо, которое вследствие безнадзорности или беспризорности находится в обстановке, представляющей опасность для его жизни или здоровья либо не отвечающей требованиям к его воспитанию или содержанию, либо совершает правонарушение или антиобщественные действия».

Предположим, что автор в своей работе опирался на первое из приведенных определений в связи с тем, что в нем опасное положение семьи напрямую зависит от неисполнения обязанностей, возложенных на родителей, а также обстоятельствами, связанными с их поведением.

На наш взгляд, положения данного нормативно-правового акта в рамках проводимого исследования могут позволить сформировать некоторые общие черты, характеризующие рассматриваемую категорию, способствовать дальнейшему исследованию поставленного вопроса, однако, представляется, что говорить о возможности полноценного применения положений указанного нормативно-правового акта в рамках института, рассматриваемого в настоящей работе, будет не совсем корректно по ряду причин. В первую очередь это связано с тем, что нормативно-правовой акт, содержащий данные определения, направлен на правовое регулирование иных общественных отношений. Этим обусловлено и наличие второй причины, заключающейся в том, что невозможно все приведенные критерии автоматически перенести в рамки ограничения родительских прав. В частности, жестокое обращение с детьми выступает обстоятельством, с которым Семейный кодекс РФ связывает возможность лишения родительских прав.

К рассмотрению данного вопроса обращается также И.И. Ординарцев [31, с. 62]. В своей работе он обращается к этимологии данного слова. При

этом автор указывает, что опасность представляет собой определенную угрозу, бедствие. Также она может рассматриваться как несчастие или катастрофа. К опасному же относится соответственно то, что может быть причиной большого зла, несчастия, то, что может привести к определенному ущербу. При этом указывается, что причины, в связи с которыми дальнейшее пребывание ребенка в семье будет являться опасным для него, могут быть различными. Сама же опасность представляет собой реальную угрозу возникновения негативных последствий для жизни ребенка. Последние могут быть связаны с жизнью ребенка, его здоровьем, а также физическим, психическим и нравственным, духовным развитием. С учетом этого, автор указывает, что опасность в рамках семьи появляется тогда, когда возникает обладающая реальным характером угроза, связанная с нарушением субъективных прав и охраняемых законом интересов ребенка. Причем источником данной угрозы выступают родители ребенка. Автором предлагается включить в действующее законодательство следующее определение: «Оставление с родителями (одним из них) является опасным для ребенка, если имеет место реальная угроза нарушения субъективных прав и охраняемых законом интересов ребенка, обусловленных как виновным, так и невиновным поведением родителей (одного из них)» [31, с. 62].

К числу положительных сторон предложенного определения можно отнести следующее. Во-первых, в нем указано на реальный характер угрозы, с которой связано наличие опасного положения. Указание на необходимость именно реального, а не мнимого, предполагаемого характера видится вполне обоснованным и соответствует закреплению в законодательстве, принципу, в соответствии с которым не допускается произвольное вмешательство в дела семьи. Также представляется верным включение в данное определение уточнения относительно того, что угроза может быть связана как с поведением, в котором присутствует вина родителей, так и с невиновным поведением. Данное уточнение акцентирует внимание на той, роли, которую играет категория «опасность» в рамках обеих групп

обстоятельств, с которыми закон связывает возможность применения рассматриваемого института. В тоже время необходимо отметить, что в предлагаемой формулировке говорится только в целом о правах и законных интересах ребенка. Отсутствует конкретизация, которая на наш взгляд, могла быть представлена либо указанием на родовые признаки, либо указанием нескольких примеров в рамках открытого перечня.

Более полное определение сформулировано Е.Г. Куропацкой [27, с. 30]. В рамках предложенной дефиниции категория «опасность» рассматривается с позиции присутствия угрозы, имеющей реальный характер, в силу которой может быть причинен вред жизни ребенка, его здоровью, а также физический или моральный ущерб. При этом в качестве источника такой угрозы рассматриваются родители, а также лица, которые их заменяют. Также указывается на необходимость подтверждения угрозы фактическими данными, содержащимися в акте обследования условий жизни. Кроме того, соответствующие обстоятельства могут подтверждаться показаниями свидетелей, объяснениями, предоставляемыми органом опеки и попечительства, а также медицинскими заключениями.

Представляется, что данное определение является более полным. В частности, в нем установлены ключевые критерии, которые необходимо учитывать, разрешая вопрос относительно того, представляет ли дальнейшее пребывание ребенка в семье опасность для него или нет. Помимо этого, в него включен перечень доказательств, посредством которых устанавливается наличие опасности. Последнее представляется важным аспектом в рамках конкретизации работы правоприменителя. Кроме того, это будет способствовать более единообразной реализации рассматриваемой меры защиты интересов ребенка.

В тоже время вызывает вопросы включение в данную формулировку, лиц, заменяющих родителей, поскольку исходя из смысла ст. 73 СК РФ и разъяснений, данных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при

разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» [36] (далее - ПП ВС РФ от 14 ноября 2017 г.) предъявление соответствующего иска возможно только к родителям ребенка, а при определенных условиях – к усыновителям.

Решение вопроса, связанного с категорией «опасность», Т.В. Краснова и Л.А. Кучинская видят в создании определенной методики, которой будет руководствоваться суд при принятии соответствующего решения. Также выделяются критерии, которые могут быть положены в основу предлагаемого нововведения. В частности, предлагается оценивать возраст ребенка, частоту, с которой возникают ситуации, создающие для него опасность, степень его эмоциональных переживаний. Кроме того, оценке подлежат характер опасности, которая может стать причиной вреда для жизни ребенка, его здоровья, а также нравственного развития [26, с. 73].

Представляется, что предложенный вариант разрешения вопроса заслуживает внимания со стороны соответствующих органов. Можно предположить, что предлагаемое нововведение в будущем будет способствовать более строгой регламентации рассмотрения дел, связанных с реализацией данного института. Кроме того, оно также будет способствовать единообразию в оценке фактических обстоятельств. Однако для практической реализации данного предложения необходимо проведение всестороннего исследования большого объема аспектов с участием компетентных специалистов, что представляется невозможным без существенных затрат времени и иных ресурсов.

С учетом вышеизложенного, представляется, что наиболее эффективным решением данной ситуации является дополнение разъяснений Верховного Суда РФ по вопросам, связанным с рассматриваемым институтом, положениями, в которых раскрывается сущность категории «опасность».

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить следующее. Отнесение тех или фактических обстоятельств, обусловленных

существованием объективных причин, к числу обстоятельств, с которым закон связывает возможность ограничения родительских прав, входит в компетенцию суда. Ключевым критерием, лежащим в основе определения той или иной ситуации как основания реализации данного института, является категория «опасность», которой свойственен оценочный характер. Представляется необходимым закрепление ключевых признаков данной категории в целях более четкой регламентации вопросов, связанных с реализацией института. На наш взгляд, наиболее удачно в данном контексте будет трактовать опасность как «наличие реальной угрозы нанесения вреда жизни, здоровью, физического или морального ущерба личности ребенка родителями, подтверждаемой фактическими данными акта обследования условий жизни семьи, свидетельскими показаниями, мнением органа опеки и попечительства, медицинскими заключениями» [33, с. 27].

Согласно п. 2 ст. 73 СК РФ ограничение родительских прав допускается также, если оставление ребенка с родителями (одним из них) вследствие их поведения является опасным для ребенка, но не установлены достаточные основания для лишения родителей (одного из них) родительских прав.

Данная группа оснований непосредственно связана со ст. 69 СК РФ, устанавливающей случаи, при которых родители могут быть лишены родительских прав. К ним относятся:

- уклонение от выполнения обязанностей родителей, включая злостное уклонение от уплаты алиментов;
- отказ без уважительной причины взять своего ребенка из роддома или другой медицинской либо образовательной организации, организации социального обслуживания и аналогичных организаций;
- злоупотребление родительскими правами;
- жестокое обращение с детьми, включая осуществление физического или психического насилия над ними, покушение на их половую неприкосновенность;
- наличие у родителей хронического алкоголизма или наркомании;

- совершение родителями умышленного преступления против жизни или здоровья своих детей, другого родителя детей, супруга, в том числе не являющегося родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи.

Данный перечень является закрытым, что обусловлено характером лишения родительских прав как крайней меры семейно-правовой ответственности. С учетом данного обстоятельства представляется, что обоснованной является позиция, в соответствии с которой реализация института, рассматриваемого в настоящей работе, по данному основанию допустима только в рамках перечня оснований, закрепленных в ст. 69 СК РФ. Это связано с тем, что в случае, когда права были ограничены в связи с поведением родителей, отсутствует изменение в поведении родителей к ним должен быть предъявлен иск о лишении родительских прав. В случае же, если бы родители в силу своего поведения были бы ограничены в правах по иным основаниям, а в последующем к ним была бы применена мера, предусматривающая лишение родительских прав, это свидетельствовало бы о наличии ситуации, когда лишение родительских прав возможно не только в рамках исчерпывающего перечня оснований, установленного законом, но также и по другим основаниям [1, с. 337].

Анализируя основания лишения родительских прав А.О. Пантилеева отмечает, что первая причина, по которой ребенок может быть лишен связи с родителями звучит так «уклоняется от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов». По мнению автора, данная причина может толковаться очень широко. Более того, как отмечает А.О. Пантилеева, все перечисленные основания являются своего рода уклонением от выполнения обязанностей, в связи с чем автор предлагает конкретизировать данное основание, выделив четкий перечень действий, за которые родитель может быть лишен родительских прав, также как законодатель выделяет невыплату алиментов.

Также автор отмечает, что еще одно основание, которое подвергается

критике со стороны научных деятелей – злоупотребление родительскими правами. Автор указывает, что статья 69 Семейного кодекса Российской Федерации не содержит дефиниции, однако разъяснения были даны в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 г. № 44, в соответствии с которым можно сделать вывод, что это «использование этих прав в ущерб интересам детей». Как отмечает А.О. Панталева, по мнению Л.Б. Максимович, в данном случае исследуемая категория трактуется через призму интереса, в то время как само понятие «интерес» нуждается в разъяснении. Приводимые в п.п. «в» пункта 16 примеры, на взгляд автора, отражают действия, которые подпадают под категорию ненадлежащего исполнения родительских обязанностей. Так, например, одним из действий попадающим под злоупотребление родительскими правами является создание препятствий к получению ими общего образования. Согласно статье 63 Семейного кодекса Российской Федерации на родителей возлагается обязанность по получению детьми общего образования. Следовательно, если они чинят препятствия, то можно говорить не о злоупотреблении, а все-таки о ненадлежащем исполнении возложенных на них обязанностей. А.О. Панталева отмечает, что по данному поводу высказалась также М.В. Антокольская, которая считает, что основанием для разграничения данных категорий является форма вины и форма действий. Так, злоупотребление родительскими правами может быть выражено лишь в совершении родителями активных действий и характеризуется умышленной формой вины [32].

В п. 11 ПП ВС РФ от 14 ноября 2017 г. разъяснено, что при ограничении родительских прав в силу виновного поведения родителей, создающего опасность для ребенка, суду надлежит установить факт осознания родителями виновности своего поведения, наличие твердого намерения изменить его в лучшую сторону, а также конкретные меры, которые они предприняли или собираются предпринять для его исправления.

Основаниям входящим в данную группу свойственен оценочный

характер. Представляется, что, как и в ранее рассмотренном вопросе, связанном с категорией «опасность», в данном случае необходима конкретизация. В частности, необходимо установить пределы, за рамками которых поступки родителей необходимо рассматривать в качестве оснований для применения соответствующей меры. На наш взгляд, соответствующие положения могут быть включены в разъяснения Верховного Суда РФ.

Отметим, что в настоящее время указывается на необходимость дополнения перечня оснований, с которыми закон связывает возможность ограничения родительских прав. В частности, данный вопрос рассматривает В.А. Дергунова. Автор указывает, что положения п. 2 ст. 73 СК РФ необходимо дополнить, включив в перечень оснований неисполнение родителем решения суда об определении места жительства ребенка, о порядке общения с ребенком. Также данный перечень предлагается дополнить созданием других препятствий второму родителю в реализации его права на воспитание ребенка. Отмечается, что целью внесения соответствующих нововведений будет именно законодательное закрепление данного основания, так как на практике суды уже выносят решения об ограничении родительских прав родителя, не исполняющего решение суда об определении места жительства ребенка [13, с. 16]. Как отмечалось, «данная норма являлась бы последовательным продолжением положения ч. 2 ст. 5.35 КоАП РФ, предусматривающей административную ответственность родителей и иных законных представителей за неисполнение решения суда об определении места жительства ребенка» [33].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что ситуациям, когда установление ограничений обусловлено поведением родителей, свойственен столь же индивидуальный характер, как и при реализации данной меры по основаниям, рассмотренным ранее в настоящем параграфе. Как и в первом случае, при рассмотрении дел, связанных с данной группой оснований реализации рассматриваемого института, перед судом стоит задача, установить то обстоятельство, представляет ли последующее нахождение

ребенка в семье опасность для него. В тоже время, суду необходимо определить те пределы, которые разграничивают отнесение поведения родителей к основаниям ограничения родительских права или к основаниям для их лишения. Для обеспечения единообразия квалификации конкретных жизненных обстоятельств как основания для применения соответствующей меры, представляется целесообразным разъяснение данных пределов в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Представляется, что дальнейшее развитие законодательства в данной области может быть направлено на дополнение данной группы оснований отдельными ситуациями, которые будут рассматриваться в качестве самостоятельных и самодостаточных оснований для реализации данного института. В частности, это представляется целесообразным в отношении ситуаций, когда со стороны родителя отсутствует исполнение решения суда об определении места жительства ребенка, о порядке общения с ним, а также ситуации, в которых родителем создаются другие препятствия, направленные против реализации вторым родителем права на воспитание ребенка.

Последствия ограничения родительских прав установлены в ст. 74 СК РФ. Как отмечают Д.Х. Сайдумов и М.М. Шахбиева последствия ограничения родительских прав мягче, чем последствия их лишения [39].

В соответствии с п. 1 ст. 74 СК РФ родители, родительские права которых ограничены судом, утрачивают право на личное воспитание ребенка, а также право на льготы и государственные пособия, установленные для граждан, имеющих детей. Как отмечалось ранее отобрание ребенка у родителей также является последствием уменьшения родительской правоспособности. В соответствии с п. 4 данной статьи в случае ограничения родительских прав обоих родителей ребенок передается на попечение органа опеки и попечительства. Представляется, что именно утрата права, связанного с возможностью лично участвовать в процессе воспитания ребенка, а также передача ребенка на попечение органа опеки и попечительства, в ситуации, когда нормы рассматриваемого института применены в отношении обоих

родителей, является основным последствие в данном случае. Указанные выше положения в полной мере соотносятся с рассмотренными ранее основаниями, в связи с которыми может быть реализована данная мера, ведь именно опасность дальнейшего пребывания с родителями независимо от того, обусловлено ли наличие данной опасности их сознательным поведением или же зависит от обстоятельств находящихся вне их контроля, находится в основе применения данного института.

В тоже время необходимо отметить, что в соответствии со ст. 75 СК РФ родителю, родительские права которого ограничены судом, могут быть разрешены контакты с ребенком, если это не оказывает на ребенка вредного влияния. Контакты родителя с ребенком допускаются с согласия органа опеки и попечительства либо с согласия другого родителя, не лишенного родительских прав или не ограниченного в родительских правах, опекуна (попечителя), приемных родителей ребенка или администрации организации, в которой находится ребенок.

Представляется, что данное положение обусловлено рядом причин. Во-первых, как было отмечено ранее, в случае если основанием для реализации данного института послужило сознательное поведение родителей, данная мера помимо прочего, выполняет предупредительную функцию, направленную на исправление поведения родителей и возможную нормализацию семейных отношений. В тоже время, если ограничение обусловлено обстоятельствами, которые не зависят от родителей, данная мера в принципе не носит характер семейно-правовой ответственности.

В тоже время, участие ряда лиц, указанных в ст. 75 СК РФ в разрешении вопроса о возможности контактов родителей, которые были ограничены в родительских правах, с ребенком, видится спорным. В частности, речь идет об опекунах, попечителях, а также приемных родителей. Во-первых, им может не хватать определенных знаний и навыков, необходимых для определения влияния общения с родителями на ребенка. Во-вторых, нельзя исключать и возможность недобросовестного поведения указанных лиц в рамках данного

вопроса. Причем последнее может выражаться как в запрете на общение с ребенком, не обусловленном объективными причинами, так и в сокрытии отрицательного влияния на ребенка общения с родителями.

С учетом изложенного, представляется, что в целях наиболее полного обеспечения защиты прав и законных интересов ребенка, переданного на воспитание указанным лицам, разрешение вопроса о возможных контактах родителей, права которых были ограничены, с ребенком в рассматриваемых ситуациях необходимо отнести к компетенции органа опеки и попечительства. Также представляется необходимым возложить на данный орган обязанности по дальнейшему сопровождению данной ситуации, в частности, по оценке влияния на ребенка общения с родителями.

Как указывается в научных трудах, категории «вредное влияние», свойственно наличие оценочного характера. При этом к ней могут быть отнесены любые формы негативного воздействия на ребенка, как физического, так и психического характера. Отмечается, что причинами данного вредного влияния может быть как осознанное поведение родителей, так и объективные причины, находящиеся вне их контроля. Наличие вредного влияния предлагается подтверждать соответствующими доказательствами, отраженными в акте органов опеки и попечительства [10].

Рассуждая по данному вопросу, Д.Х. Сайдумов М.М. и Шахбиева отмечают, что контролирующие органы опеки и попечительства имеют право запретить такого рода встречи, если свидания с родителями вызывают у детей стресс и отрицательно влияют на психическое и эмоциональное состояние ребенка [38].

Как отмечалось ранее, родители, родительские права которых ограничены судом, утрачивают также право на льготы и государственные пособия, установленные для граждан, имеющих детей. Представляется, что утрата данных прав является логичным последствием рассмотренного ранее последствия, связанного с утратой права принимать личное участие в воспитании ребенка, поскольку с утратой последнего родители перестают

непосредственно участвовать в создании соответствующих условий, которые требуются для нормального развития ребенка.

В соответствии со ст. 31 Гражданского кодекса РФ [8] ст. ст. 121 и 148.1 СК РФ и ст. 15 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» [46] родители, ограниченные в родительских правах, утрачивают право быть законными представителями своих детей и выступать в защиту их прав и законных интересов.

Указанное обстоятельство влечет за собой еще ряд последствий, которые непосредственно не указаны в СК РФ. Например, отмечается, что с ограничением родительских прав утрачивается право на решение вопроса относительно возможности выезда несовершеннолетнего в иностранное государство [17, с. 73].

Необходимо отметить, что относительно правовой природы последнего ограничения, в научной литературе сформулирована и иная позиция. В частности, указывается, что необходимость получения разрешения отдельно проживающего родителя на выезд ребенка за границу, обусловлена защитой прав данного родителя, а непосредственно его права, связанного с участием в воспитании ребенка, и правом на общение с ребенком, а не наличием у него права выступать в роли законного представителя. Исходя из этого, в силу того, что родитель, чьи права были ограничены, более не может принимать участия в процессе воспитания ребенка, а его общение с ребенком возможно лишь при получении соответствующего разрешения, данный родитель также утрачивает и право, позволяющее ему принимать решение относительно допустимости выезда его ребенка за рубеж [44, с. 241].

Таким образом относительно вопроса, связанного с правовой природой данного ограничения, можно выделить две точки зрения. Согласно первой соответствующее право утрачивается в связи с утратой статуса законного представителя. Согласно второй оно обусловлено не утратой права выступать в качестве законного представителя, а утратой права на личное воспитание и разрешительным порядком общения с ребенком.

Необходимо отметить еще ряд ограничений, установленных в отношении лиц, ограниченных в родительских правах.

Так, в соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 127 СК РФ лица, лишённые по суду родительских прав или ограниченные судом в родительских правах, не могут быть усыновителями.

В силу п. 3 ст. 146 СК РФ лица, ограниченные в родительских правах, не назначаются опекунами (попечителями).

Пункт 1 ст. 153 СК РФ устанавливает, что «подбор и подготовка приемных родителей осуществляются органами опеки и попечительства при соблюдении требований, установленных Гражданским кодексом Российской Федерации, Федеральным законом "Об опеке и попечительстве", а также статьей 146 настоящего Кодекса». Таким образом, лица, ограниченные в родительских правах, также не могут быть приемными родителями.

В соответствии с п. 2 ст. 74 СК РФ ограничение родительских прав не освобождает родителей от обязанности по содержанию ребенка. В силу этого, суд при рассмотрении дела об ограничении родительских прав решает вопрос о взыскании алиментов на ребенка.

Пункт 3 статьи 73 СК РФ устанавливает, что ребенок, в отношении которого родители (один из них) ограничены в родительских правах, сохраняет право собственности на жилое помещение или право пользования жилым помещением, а также сохраняет имущественные права, основанные на факте родства с родителями и другими родственниками, в том числе право на получение наследства.

При этом, как отмечается, у родителей, чьи родительские права были ограничены, не утрачиваются имущественные права, обусловленные родством с ребенком. Так, например, данные родители будут иметь право в последующем обратиться в суд с иском о взыскании алиментов к своим детям, выступать в качестве их наследников, а также будут иметь право на получение пенсии по случаю потери кормильца [10].

Подводя итог, отметим, что ключевым последствием реализации

рассматриваемого института является утрата права принимать личное участие в процессе воспитания ребенка. При этом законодательством предусмотрена возможность общения родителя, чьи права были ограничены, с ребенком, при условии, что данное общение не будет оказывать на ребенка отрицательного влияния. На наш взгляд, данное обстоятельство наиболее полно раскрывает роль ограничения родительских права как меры защиты интересов ребенка, направленной при этом также и на нормализацию отношений внутри семьи и возможность восстановления семейных отношений.

Последующее развитие законодательства в данной области видится во внесении изменений, направленных на более строгое регулирование контактов ограниченных в родительских правах родителей с ребенком. Также представляется необходимым усиление роли органов опеки и попечительства в вопросах, связанных с разрешением данных контактов, а также контролем за их влиянием на ребенка.

2.2 Актуальные вопросы процедуры ограничения и отмены ограничения родительских прав

Ограничение родительских прав осуществляется в судебном порядке по общим правилам искового производства с особенностями, установленными Семейным кодексом РФ.

«В первую очередь, они касаются круга лиц, которые наделены правом на предъявление иска об ограничении родительских прав. Пункт 3 ст. 73 СК РФ устанавливает, что иск об ограничении родительских прав может быть предъявлен близкими родственниками ребенка, органами и организациями, на которые законом возложены обязанности по охране прав и интересов несовершеннолетних детей, дошкольными образовательными организациями, общеобразовательными организациями и другими организациями, а также прокурором.

Определенное время существовала некоторая неясность относительно

того, кого именно следует понимать под близкими родственниками ребенка в рамках п. 3 ст. 73 СК РФ. В научной литературе данный вопрос рассматривался через призму ст. 14 СК РФ, согласно которой близкими родственниками являются родители и дети, дедушки, бабушки и внуки, а также полнородные и неполнородные братья и сестры.

Данную позицию подтвердил Верховный Суд РФ, указав в абзаце 2 п. 9 ПП ВС РФ от 14 ноября 2017 г., что исходя из положений абзаца третьего статьи 14 СК РФ близкими родственниками ребенка, которые могут обратиться в суд с иском об ограничении родительских прав, являются один из его родителей, дедушки и бабушки, полнородные и неполнородные братья и сестры» [33, с. 37].

Как отмечалось: «Видится несколько спорным применение в данном случае положений указанной статьи, так как она изначально регулирует совершенно иную сферу семейных отношений, закрепляя данный перечень близких родственников в качестве обстоятельства, препятствующего заключению брака между указанными в нем лицами. Очевидно, что при его формировании законодатель руководствовался иными критериями, обоснованность которых в отношении ограничения родительских прав вызывает сомнения. Поэтому в будущем видится целесообразным либо проработка данного списка и его законодательное закрепление в рамках ст. 73 СК РФ или же его закрепление в разъяснениях Верховного Суда, но без указания на ст. 14 СК РФ.

Следует отметить, что данные разъяснения имеют важное процессуальное значение, поскольку подача иска об ограничении родительских прав другим лицом, в том числе являющимся родственником ребенка (например, тетей или дядей), в силу п. 1 ч. 1 ст. 134 Гражданского процессуального кодекса РФ является основанием для отказа в принятии искового заявления. Е.Г. Куропацкая отмечает, что в таких случаях лицам, заинтересованным в защите прав и законных интересов несовершеннолетних, следует обращаться в органы опеки и попечительства, уполномоченные на

защиту прав и законных интересов несовершеннолетних.

Интересным является замечание С.П. Гришаева, который отмечает, что указание в ст. 73 СК РФ на другие организации по сути означает, что иск об ограничении родительских прав может быть предъявлен любым юридическим лицом. Сомнительно, что законодатель рассчитывал данной формулировкой наделить правом на подачу данного искового заявления неограниченный круг лиц, а потому видится необходимым внесение конкретизирующих изменений в СК РФ, или, по крайней мере, дачу разъяснений на правоприменительном уровне» [33, с. 38].

«Что касается органов и организаций, на которые законом возложены обязанности по охране прав и интересов несовершеннолетних детей, к ним в соответствии с п. 1 ст. 70 СК РФ относятся органы опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних, организации для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и другие.

Также, не стоит забывать, что в силу п. 2 ст. 56 СК РФ, согласно которому ребенок при нарушении его прав и законных интересов, в том числе при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями или одним из них обязанностей по воспитанию, образованию ребенка либо при злоупотреблении родительскими правами, вправе самостоятельно обращаться за их защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет в суд, в качестве истца по делам об ограничении родительских прав может выступать сам ребенок, при условии достижения им указанного возраста» [33, с. 39].

Необходимо отметить, что «относительно данного вопроса в научной среде нет единого мнения. Так, например, А.А. Матвеева относит ребенка достигшего четырнадцатилетнего возраста к кругу лиц, способных выступать в качестве истца по делам об ограничении родительских прав.

В то же время Е.Г. Куропацкая считает, что четырнадцатилетний подросток не в состоянии объективно оценить правомерность действий своих родителей, а случае наличия тяжелых и опасных жизненных условий с детства,

он может оказаться не в состоянии осознать и ненормальность в виду отсутствия критериев нормального воспитания» [33, с. 39].

На наш взгляд, ребенок, достигший четырнадцатилетнего возраста, как лицо, испытывающее на себе непосредственное негативное влияние и его последствия, должен иметь право непосредственно обратиться за судебной защитой.

Правовым обоснованием второй позиции выступает отсутствие несовершеннолетнего, достигшего четырнадцатилетнего возраста, в перечне истцов по делам об ограничении родительских прав, закрепленном в п. 3 ст. 73 ГПК РФ. С целью исключения данных разночтений, видится целесообразным дополнить содержание ст. 73 СК РФ, указав возможность подачи иска об ограничении родительских прав ребенком, достигшем возраста четырнадцати лет, или, по крайней мере, указать данный момент в соответствующих разъяснениях Верховного Суда РФ.

Если же в целом обратиться к кругу заявителей по делам о лишении родительских прав, установленному п. 1 ст. 70 СК РФ, то можно обнаружить, что он значительно уже, чем по делам об ограничении родительских прав. Данное обстоятельство, как совершенно верно отмечает Л.В. Ладочкина, вызвано более мягким характером ограничения родительских прав по сравнению с их лишением [28].

Как отмечалось: «Круг лиц, к которым может быть предъявлен иск, еще более узкий — в качестве ответчиков по делам об ограничении родительских прав могут выступать только родители ребенка или один из них. Соответственно, предъявление иска об ограничении родительских прав к опекунам, попечителям, приемным родителям и патронатным воспитателям влечет отказ в принятии такого искового заявления на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ.

На протяжении длительного времени правовая доктрина придерживалась точки зрения, что иск об ограничении родительских прав не может быть предъявлен к усыновителям — мерами их ответственности и

способом защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего в данном случае выступали отмена усыновления и отобрание ребенка при непосредственной угрозе его жизни и здоровью в административном порядке. Однако, Верховный Суд РФ в п. 10 ПП ВС РФ от 14 ноября 2017 г. разъясняет, что иск об ограничении родительских прав может быть предъявлен также к усыновителям, в тех случаях, когда отсутствуют установленные ст. 141 СК РФ основания к отмене усыновления, но дальнейшее пребывание ребенка с усыновителями или одним из них является опасным для ребенка по независящим от них обстоятельствам. Данное положение обусловлено п. 1 ст. 141 СК РФ, согласно которой усыновители и усыновленные в своих личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях приравниваются к родственникам по происхождению, и ст. 5 СК РФ, разрешающей применение норм семейного права по аналогии закона» [33, с. 40-41].

«Интересным видится тот факт, что Верховный Суд допускает предъявление иска об ограничении родительских прав к усыновителям лишь в том случае, если опасная для ребенка обстановка возникала по независящим от них обстоятельствам (болезнь усыновителей, стечение тяжелых жизненных обстоятельств и другие), при этом ничего не говоря о тех случаях, когда оставление ребенка в семье усыновителей является опасным в силу их поведения. Соответственно, нет никаких разъяснений и о шестимесячном сроке, в ходе которого они могли бы исправить свое положение и обстановку в семье.

Если отказаться от расширительного толкования данного положения и рассматривать его в буквальном смысле, то можно прийти к выводу, что Верховный Суд ограничивает перечень оснований для предъявления иска об ограничении родительских прав к усыновителям, оставляя лишь ту его часть, которая затрагивает невиновное поведение усыновителей. Данное положение может быть вызвано тем, что личные взаимоотношения родителей и детей в первую очередь обусловлены фактом кровного родства, а не правовой связью, ввиду чего необходимо приложить максимальное количество усилий и

использовать все имеющиеся возможности для сохранения между ними полноценных родственных отношений, в то время как взаимоотношения усыновителей и усыновленных имеют изначально правовую природу, а потому при наличии виновного поведения усыновителей, ставящего ребенка в опасное положение, принятие мер по сохранению семьи, аналогичных для отношений между кровными родственниками, не требуется. Однако, это всего лишь предположение» [33, с. 41-42]. На наш взгляд, для предотвращения спорных ситуаций в правоприменительной практике п. 10 ПП ВС РФ от 14 ноября 2017 г. необходимо дополнить положением, разъясняющим данный момент.

«Пункт 3 ст. 73 СК РФ устанавливает, что дела об ограничении родительских прав рассматриваются с участием прокурора и органа опеки и попечительства.

Согласно действующей редакции ГПК РФ дела об ограничении родительских прав подсудны районным судам общей юрисдикции.

Здесь следует отметить плодотворное взаимодействие науки и практики в лице законодателя. Предыдущая редакция п. 4 ч. 1 ст. 23 ГПК РФ исключала из подсудности мировых судей только те дела, возникающие из семейно-правовых отношений, которые были связаны с оспариванием отцовства (материнства), установлением отцовства, лишением родительских прав, усыновлением (удочерением) ребенка, оставляя таким образом дела об ограничении родительских прав в компетенции мировых судей. О нелогичности данного решения говорила, в частности, С.И. Смирновская, отмечая, что дела данной категории непосредственно затрагивают защиту прав и законных интересов ребенка и по своей сути сходны с исками о лишении родительских прав.

По общему правилу, иск об ограничении родительских прав подается по месту жительства ответчика (ст. 28 ГПК РФ). Если вместе с требованием об ограничении родительских прав заявляется требование о взыскании алиментов, то такое исковое заявление также может быть подано в районный

суд по месту жительства истца (ч. 3 ст. 29 ГПК РФ)» [33, с. 42-43].

Как отмечалось: «интересным является замечание Н.В. Тригубовича, который отмечает, что до недавнего времени, исходя из норм российского законодательства российским судам были неподсудны дела об ограничении родительских прав если ответчиком являлся иностранец или гражданин РФ, проживающий за рубежом, не проживавший и не имеющий имущества на территории России. То есть для определения юрисдикции по спорам, непосредственно затрагивающим права и интересы ребенка, не имело значения постоянное проживание несовершеннолетнего на территории РФ. Данная ситуация изменилась с присоединением России в 2012 году к Конвенции о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей 1996 г., согласно которой, фактором, определяющим юрисдикцию для подобной категории дел, является обычное место жительства ребенка» [61].

Согласно пп. 15 п. 1 ст. 336.36 Налогового кодекса Российской Федерации исковое заявление об ограничении родительских прав государственной пошлиной не облагается.

Что касается содержания искового заявления, то «в нем должны быть указаны сведения о тех обстоятельствах, которые послужили причиной его подачи, а требования истца должны четко свидетельствовать о его намерении ограничить ответчика в родительских правах, а не лишить их или определить место жительства несовершеннолетнего.

Особую роль при рассмотрении дела об ограничении родительских прав приобретают прилагаемые к исковому заявлению документы. В первую очередь, это свидетельство о рождении, подтверждающее родственные отношения между ребенком и ответчиком. Кроме того, к заявлению прилагаются подтверждающие обстоятельства дела справки и заключения. В частности, к ним могут относиться акты обследования условий жизни, справки из медицинских учреждений, заключение психиатров и психологов, характеристика ребенка из образовательного учреждения или из комиссии по

делам несовершеннолетних, справки из правоохранительных органов» [33, с. 43-44].

Пункт 4 ст. 73 СК РФ устанавливает, что дела об ограничении родительских прав рассматриваются с участием прокурора и органа опеки и попечительства.

«Роль прокурора заключается в даче заключения по рассматриваемому делу. Несмотря на то, что участие прокурора в деле является обязательным, его неявка, при условии, что он был извещен о месте и времени рассмотрения дела, в силу ч. 3 ст. 45 ГПК РФ не является препятствием к разбирательству дела.

Более обширный функционал имеет орган опеки и попечительства. Исходя из положений ст. 78 СК РФ в его обязанности входит проведение обследования условий жизни ребенка и его родителей (родителя), в отношении которых (которого) предъявлен иск об ограничении родительских прав.

По результатам проведенного обследования орган опеки и попечительства представляет суду акт обследования и основанное на нем заключение по существу спора, которые в соответствии со ст. 67 ГПК РФ подлежат оценке судом в совокупности со всеми собранными по делу доказательствами» [33, с. 44].

«Семейный кодекс не предъявляет требований к форме и структуре данного заключения. В научной литературе можно встретить различные подходы к данному вопросу, однако в большинстве из них можно выделить ряд общих положений, которые по мнению авторов должны быть отражены в заключении органа опеки и попечительства. К ним, в частности, относятся информационные сведения, отражающие фактические обстоятельства в отношении конкретного ребенка и его родителей, которые обуславливают опасное для несовершеннолетнего положение, а также непосредственно мотивированные выводы органа опеки и попечительства по существу спора и предложение по его разрешению, с указанием конкретных оснований

ограничения родительских прав, в случае если орган опеки и попечительства придет к выводу о необходимости применения данной меры.

Вопрос о проведении обследования условий жизни несовершеннолетнего и его родителей суд, как правило, разрешает на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Вместе с тем, суд может назначить проведение экспертизы на любой стадии процесса по мере необходимости.

Также, на данной стадии судом может быть назначена комплексная психолого-психиатрическая или медико-психологическую экспертизу» [33, с. 44-45].

«Как отмечает С.И. Смирновская, особенное значение экспертиза имеет в тех случаях, когда предъявление иска об ограничении родительских прав вызвано психическим заболеванием родителя и установление степени опасности нахождения с ним для ребенка требует привлечения компетентных в данной области специалистов. Предметом такой экспертизы могут выступать оценка психологического состояния ответчика, его способности понимать свои действия и руководить ими, установление наличия или отсутствия опасности для ребенка при совместном проживании с ответчиком, разрешение вопроса о возможности участия данного лица в воспитании несовершеннолетнего.

Необходимость и важность проведения психологической экспертизы при разрешении вопроса об ограничении родительских прав подчеркивают также Ю.В. Ишков и О.А. Никонова» [33, с. 45-46].

При этом, как и в случае с заключением органа опеки и попечительства, данные, полученные при проведении судебной экспертизы, не являются исключительным средством доказывания и подлежат оценке в совокупности с остальными доказательствами по данному делу. Решение суда, основанное исключительно на заключение эксперта, может быть в дальнейшем отменено вышестоящей инстанцией [2].

«В п. 12 ПП ВС РФ от 14 ноября 2017 г. указано, что случае

удовлетворения иска, суд выносит решение об ограничении родительских прав без указания срока их ограничения, независимо от оснований, по которым это происходит. Данное положение видится вполне обоснованным, так как, во-первых, ограничение родительских прав на определенный срок изначально не предусмотрено законодателем, а во-вторых, по ряду оснований (психическое заболевание родителя, стечение тяжелых обстоятельств и другие) просто невозможно определить срок, на который необходимо установить данную меру.

Стоит отметить, что ранее высказывалось мнение о возможности ограничения родительских прав на определенный срок, в частности, при установлении «испытательного срока» для родителей, чье виновное поведение послужило причиной ограничения родительских прав. Однако на наш взгляд, позиция Верховного Суда более соответствует положениям закона, а также самой сути института ограничения родительских прав как гибкой и оперативной меры воздействия.

В тоже время, Верховный Суд отмечает, что, удовлетворяя иск о ограничении родительских прав в связи с виновным поведением родителей (одного из них), суду следует разъяснить родителям (одному из них), что в случае если они не изменят своего поведения, к ним может быть предъявлен иск о лишении их родительских прав в порядке и сроки, предусмотренные абзацем вторым пункта 2 статьи 73 СК РФ» [33, с. 46-47].

Как отмечалось: «В данном случае, разъяснение скорее вносит определенную неясность как для правоприменительный, так и для родителей ограниченных в родительских правах, нежели упрощает понимание возможных последствий, поскольку в указанном абзаце втором п. 2 ст. 73 СК РФ закреплено, что если родители (один из них) не изменят своего поведения, орган опеки и попечительства по истечении шести месяцев после вынесения судом решения об ограничении родительских прав обязан предъявить иск о лишении родительских прав.

Сравнив формулировки, можно заметить, что при отсутствии

улучшения в поведении родителей закон устанавливает обязанность органа опеки и попечительства на предъявления иска о лишении родительских прав, что означает неизбежность наступления данного последствия, в то время как в Постановлении Пленума указывается лишь на возможность подобного исхода дела.

Очевидно, что как с правовой точки зрения, так и с точки зрения мотивации родителей к исправлению своего поведения, более корректной будет озвучивание судьей положения, установленного семейным законодательством» [33, с. 47]. Видится необходимым изложить данный пункт Постановления Пленума в редакции, соответствующей положению п. 2 ст. 73 СК РФ. В качестве варианта, можно предложить следующую формулировку: «удовлетворяя иск о ограничении родительских прав в связи с виновным поведением родителей (одного из них), суду следует разъяснить родителям (одному из них), что в случае если они не изменят своего поведения, к ним будет предъявлен иск о лишении их родительских прав в порядке и сроки, предусмотренные абзацем вторым, пункта 2 статьи 73 СК РФ».

Пункт 5 ст. 73 СК РФ устанавливает, что при рассмотрении дела об ограничении родительских прав суд решает вопрос о взыскании алиментов на ребенка с родителей или одного из них. Данный вопрос разрешается судом независимо от того, был ли предъявлен соответствующий иск. Указанное положение соотносится с п. 2 ст. 74 СК РФ, согласно которому родители, ограниченные в родительских правах, не освобождаются от обязанности по содержанию ребенка.

В соответствии с п. 6 ст. 73 СК РФ суд обязан в течение трех дней со дня вступления в законную силу решения суда об ограничении родительских прав направить выписку из такого решения суда в орган опеки и попечительства по месту вынесения решения и в орган записи актов гражданского состояния по месту государственной регистрации рождения ребенка, а в случае государственной регистрации рождения ребенка многофункциональным центром предоставления государственных и муниципальных услуг - в

многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг по месту государственной регистрации рождения ребенка для информирования органа записи актов гражданского состояния, в котором хранится соответствующая запись акта о рождении.

«Отдельного внимания заслуживает вопрос исполнения решения суда об ограничении родительских прав.

Согласно п. 1 ст. 79 СК РФ решения суда по делам, связанным с воспитанием детей, исполняются судебным исполнителем, в порядке, установленным законодательством об исполнительном производстве.

В случае, если родители будут препятствовать исполнению решения суда, к ним применяются меры, предусмотренные законодательством об административных правонарушениях и законодательством об исполнительном производстве» [33, с. 48].

Как отмечалось: «В рамках Кодекса об административных правонарушениях ответственность предусмотрена ч. 2 ст. 5.35 и влечет наложение административного штрафа в размере от двух тысяч до трех тысяч рублей. Более строгая ответственность предусмотрена за повторное совершения аналогичного правонарушения — штраф от четырех тысяч до пяти тысяч рублей либо административный арест на срок до пяти суток.

Ввиду того, что в ходе исполнительного производства может возникнуть необходимость принудительного исполнения решения суда об ограничении родительских прав, связанного с отображением ребенка и передачей его другому лицу, ч. 2 ст. 79 СК РФ закрепляет, что в подобных ситуациях, отображение ребенка должно производиться с обязательным участием органа опеки и попечительства и лица, которому передается ребенок, а в случае необходимости - с участием представителя органов внутренних дел, детского психолога, врача, педагога, переводчика и иных специалистов» [33, с. 49]. На практике, судебные приставы-исполнители при исполнении решения суда об ограничении родительских прав привлекают органы опеки и попечительства в обязательном порядке [40].

Т.А. Богданова относительно данного вопроса, особенно тех случаев, когда ребенок передается органам опеки и попечительства, отмечает, что представители органа опеки и попечительства, а равно как и сторонний психолог, врач, представитель органа внутренних дел являются для ребенка посторонними лицами, с которыми у него не установлен достаточный психологический контакт, и не могут в полной мере сгладить травматичность момента отобрания для ребенка. С целью преодоления данной ситуации автор предлагает обеспечить при отобрании присутствие человека хорошо знакомого ребенку и имеющего с ним контакт. В качестве таких лиц могут выступать воспитатель детского сада, учитель, психолог образовательного учреждения [2, с. 68].

Как отмечалось: «Данное предложение безусловно заслуживает внимание, однако стоит отметить, что при его реализации в каждом конкретном случае придется проводить определенную подготовительную работу с целью определения лица, способного наилучшим образом помочь преодолеть ребенку момент отобрания, поскольку нельзя гарантировать наличие хороших и доверительных отношений между ребенком и представителями образовательного учреждения во всех случаях» [33, с. 50].

Отмена ограничения родительских прав «является самостоятельной процедурой, особенности которой закреплены в ст. 76 СК РФ.

Согласно п. 1 указанной статьи, если основания, в силу которых родители (один из них) были ограничены в родительских правах, отпали, суд по иску родителей (одного из них) может вынести решение о возвращении ребенка родителям (одному из них) и об отмене ограничений, предусмотренных статьей 74 настоящего кодекса.

Данная формулировка видится не совсем удачной, поскольку, как и в случае с п. 1 ст. 73 СК РФ, здесь фактически уравнивается ограничение родительских прав с отобранием ребенка, причем делается акцент именно на возвращении ребенка родителям, а не на восстановлении их правового статуса» [33, с. 50-51].

Как было отмечено в первой главе настоящей работы, отобрание ребенка у родителей (одного из них) в данном случае выступает последствием уменьшения объема родительской правоспособности, что на наш взгляд должно быть отражено и в статье, посвященной условиям и порядку отмены ограничения родительских прав. Ввиду этого, может быть предложена следующая формулировка «... может вынести решение об отмене ограничения родительских прав и возвращении ребенка родителям».

«Как следует из содержания статьи, истцами по делам об ограничении родительских прав могут выступать родители или один из родителей, ограниченные в родительских правах. Никакой альтернативы в данном случае не предусмотрено.

Круг ответчиков по данной категории дел также строго ограничен. Как указано во втором абзаце п. 23 ПП ВС РФ от 14 ноября 2017 г. требование об отмене ограничения в родительских правах может быть предъявлено к лицу, на попечении которого находится ребенок. К их числу, в частности, относятся другой родитель, опекун или попечитель, приемные родители и патронатные воспитатели, органы опеки и попечительства, организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

При рассмотрении вопроса об отмене ограничения в деле участвует орган опеки и попечительства (ст. 78 СК РФ). В данном случае, на нем лежит обязанность провести обследование условий жизни ребенка и родителей (родителя), обратившегося в суд с иском об отмене ограничения родительских прав. Как и в случае с делами об ограничении родительских прав, вопрос о проведении обследования условий жизни разрешается судом на стадии подготовки дела к судебному заседанию, а представленный органом опеки и попечительства акт обследования и основанное на нем заключение по существу спора подлежат оценке судом в совокупности со всеми собранными по делу доказательствами» [33, с. 51-52].

«Вопрос об участии в делах об отмене ограничения родительских прав прокурора ранее оставался открытым, ввиду отсутствия прямого указания на

это в законе. В научной литературе указывалось на необходимость его участия, в силу аналогии закона и положения ст. 73 СК РФ, закрепляющей обязательность участия прокурора при рассмотрении дел об ограничении родительских прав. В ПП ВС РФ от 14 ноября 2017 г. Верховный Суд закрепил данную позицию, устранив существовавшую неопределенность.

Как справедливо отмечает П.А. Якушев, иск об отмене ограничения родительских прав может быть предъявлен лишь в том случае, если ребенок, в отношении которого родители были ограничены в родительских правах, не достиг восемнадцатилетнего возраста. В противном случае в принятии искового заявления будет отказано на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, а начатое производство подлежит прекращению в силу абзаца второго ст. 220 ГПК РФ.

Е.Г. Куропацкая указывает, что одновременно с подачей иска об ограничении родительских прав родитель должен просить суд о возврате ему ребенка, то есть о защите своих родительских прав, предусмотренной ст. 63 и ст. 68 СК РФ.

Исходя из того, что ограничение родительских прав может быть отменено лишь при условии, что отпали обстоятельства, в силу которых было установлено ограничение, родителям (одному из них) при рассмотрении дела об отмене ограничения родительских прав предстоит доказать отсутствие опасности для несовершеннолетнего и целесообразность его возвращения в родительскую семью. Об этом может свидетельствовать изменение в лучшую сторону поведения или образа жизни родителей (одного из них), улучшение состояния здоровья.

В случае, если истцом не будут предоставлены достаточные доказательства, свидетельствующие об изменении обстоятельств, послуживших основаниями для ограничения родительских прав, в удовлетворении иска будет отказано даже несмотря на согласие с заявленными требованиями ответчика» [33, с. 52-53].

Так, в рамках одного из дел было отказано в удовлетворении заявленных

требований в связи с непредоставлением необходимых доказательств несмотря на то, что ответчики не возражали против отмены ограничения в родительских правах [37].

Кроме того, в силу п. 2 ст. 76 СК РФ, суд с учетом мнения ребенка вправе отказать в удовлетворении исковых требований, если возвращение ребенка родителям (одному из них) противоречит его интересам.

При удовлетворении требований об отмене ограничения родительских прав и возвращении ребенка родителям (одному из них), суд одновременно разрешает вопрос о прекращении взыскания с них алиментов на содержание ребенка. Согласно п. 3 ст. 76 СК РФ в течение трех дней со дня вступления в законную силу решения суда об отмене ограничения родительских прав суд направляет выписку из такого решения суда в орган опеки и попечительства по месту вынесения решения и в орган записи актов гражданского состояния по месту государственной регистрации рождения ребенка.

Таким образом, можно сказать, что процедура отмены ограничения родительских прав крайне близка к процессуальному порядку установления данных ограничений. Она также имеет строго ограниченный круг лиц, способных выступать в качестве истцов и ответчиков, предусматривает участие прокурора и обязательное участие органов опеки и попечительства в ходе рассмотрения дела в суде. В то же время, вопрос об отмене ограничения родительских прав, в силу п. 2 ст. 73 СК РФ, является еще более субъективным и в большей степени отнесен на усмотрение судьи.

Глава 3 Особенности института ограничения родительских прав в зарубежных странах

3.1 Ограничение родительских прав в законодательстве стран СНГ

Институты, которые являются сопоставимыми по своей роли в регулировании семейных отношений и защите прав несовершеннолетних членов семьи институту ограничения родительских прав, предусмотренного Семейным кодексом РФ, присутствуют в нормативно-правовых актах подавляющего большинства государств.

Если обратиться к регулированию данного вопроса в законодательстве государств – участников СНГ, то можно прийти к выводу, что оно во многом аналогично соответствующим положениям отечественного законодательства. В частности, в соответствии со ст. 73 Семейного Кодекса Республики Таджикистан [42] «суд может с учетом интересов ребенка принять решение об отобрании у родителей (одного из них) без лишения их родительских прав (ограничение родительских прав)». Таким образом в рамках законодательства Республики Таджикистан также как в Семейном кодексе РФ уравниваются ограничение родительских прав с отобранием ребенка у родителей без лишения их родительских прав. При этом необходимо отметить, что данная статья имеет название «Отобрание ребенка без лишения родительских прав», что, с учетом ее содержания, выглядит более логичным. В тоже время, необходимо отметить, что ст. 77 Семейного кодекса Республики Таджикистан предусматривает меру защиты интересов ребенка, аналогичную отобранию ребенка при непосредственной угрозе жизни и ребенка или его здоровью, закрепленную в ст. 77 СК РФ.

Основания, с которыми Семейный кодекс Республики Таджикистан, связывает возможность отобрания ребенка у родителей без лишения их родительских прав, полностью соответствуют основаниям ограничения родительских прав, предусмотренных отечественным законодательством.

Аналогичными являются и правовые последствия данной меры. В связи с этим обратимся к проблемным вопросам, которые рассматриваются в правовой доктрине Республики Таджикистан.

В частности вопросы, связанные с данным институт семейного права, рассматриваются С.С. Шариповым [48]. Автор отмечает, что ключевым проблемным аспектом, возникающим в рамках правоприменительной практики, связанной с отобранием ребенка у родителей без лишения их родительских прав, выступает отсутствие эффективности в действующем механизме, призванном обеспечить реализацию данного института. Данная проблема актуальна для случаев, когда применение данной меры обусловлено поведением родителей, в котором присутствует их вина.

В частности, отмечается, что в действующем виде реализация данного института не рассматривается родителями в качестве меры ответственности или предупреждения о том, что в будущем они могут быть лишены родительских прав. Как указывает автор, родители склонны видеть в отобрании у них ребенка без лишения их родительских прав снятие с них ответственности за собственного ребенка. Данное обстоятельство по мнению автора, обусловлено отсутствием в рамках рассматриваемого института других мер, способных оказать воздействие на родителей.

Также автор указывает на то обстоятельство, что деятельность органов опеки и попечительства носит некорректный характер. В частности, отмечается то обстоятельство, что нередко предъявление иска по данной категории дел откладывается в связи с ожиданием возникновения оснований, достаточных для лишения родительских прав. Отметим, что, как и иные аспекты данного института, круг лиц, уполномоченных обратиться в суд с соответствующим заявлением, в рамках законодательства Республики Таджикистан и законодательства Российской Федерации являются в большей части сопоставимыми. Однако законодательством Республики Таджикистан ключевое место в нем закреплено не за близкими родственниками, а за соответствующими государственными органами и учреждениями. В данном

случае речь идет об органах и учреждениях, которые в силу закона обязаны охранять права несовершеннолетних.

Выход из сложившейся ситуации автор видит в принципиальном изменении подхода в решении рассматриваемой проблемы. Указывается на необходимость дополнить данный институт социальной реабилитацией родителей. Последняя, в частности, должна предусматривать оказание помощи соответствующих квалифицированных специалистов. Кроме того, автор предлагает включить в число мер, применяемых к родителям в данной ситуации, обязательные общественные работы.

Как отмечалось «данное предложение видится более чем интересным, поскольку оно способствует развитию охранительной функции данного института, направленной на сохранение полноценных семейных отношений между родителями и детьми. Однако, стоит отметить, что его реализация будет во многом зависеть от тщательной проработки методической составляющей данного проекта, компетентности, ресурсного обеспечения и добросовестности органов, на которые будут возложены соответствующие функции» [33, с. 18].

3.2 Ограничение родительских прав в странах Европы

В странах Европы правовое регулирование рассматриваемого вопроса различно. Отличаются как сами подходы к разрешению данного вопроса, так и терминология, используемая законодателями.

В Германском гражданском уложении [53] (далее – ГГУ) закреплены категории родительской заботы, содержания и пределов заботы о ребенке. Также в нем регулируются вопросы, связанные с ограничением заботы об имуществе ребенка, ограниченной ответственностью родителей, приостановлением осуществления родительской заботы в случае препятствия правового характера.

Среди оснований, в связи с которыми могут быть установлены

ограничения, выделяются две группы.

В первую включены те ситуации, при которых в силу ненадлежащего осуществления родителями родительской заботы, пренебрежения к ребенку, создается угроза для физического, психического, духовного здоровья ребенка. Также ограничения могут быть установлены, если в силу указанных обстоятельств создается угроза для имущества ребенка. Все основания, включенную в данную группу, характеризуются такой отличительной чертой, как присутствие вины в поведении родителей, создающем угрозу для их ребенка. То есть в данном случае речь идет о виновном поведении родителей.

Ко второй группе относятся ситуации, когда появление упомянутых выше угроз для здоровья ребенка или его имущества, связано с обстоятельствами, возникновение которых не обусловлено виновным поведением родителей и третьих лиц. К числу последних законодатель относит лиц, в отношении которых установлены обязанности осуществлять заботу о ребенке.

Приостановление осуществления родительской заботы при наличии препятствий правового характера охватывает те ситуации, в которых родитель был признан недееспособным или ограниченно дееспособным. При этом, если речь идет об ограничении дееспособности, то обязанности, связанные с осуществлением заботы о ребенке, устанавливаются в отношении данного родителя, аналогично обязанностям законного представителя. Однако, в этом случае, родитель, чья дееспособность была ограничена, не имеет права самостоятельно осуществлять представление интересов своего ребенка.

Кроме того, суду предоставлено право ограничить общение родителей с ребенком, или полностью его исключить. В последнем случае решение может быть обусловлено только теми рисками, которым подвергалось бы благо ребенка, если бы не было исключено право родителей на общение с ним. Аналогичные требования предъявляются и к решениям, которыми ограничение на общение с ребенком устанавливается на длительный период.

Английское право оперирует термином «родительская власть», при этом

суд наделен полномочиями лишить родительской власти одного или обоих родителей. Это возможно в случае, если родители злостно злоупотребляют родительской властью в отношении детей, являются душевнобольными или совершили преступление в отношении ребенка [51].

Законодательством Франции предусмотрено только лишение родительских прав [52]. Однако, оно может быть как полным, так и частичным.

Полное лишение родительских прав предполагает полное прекращение всех правомочий родителей, как имущественного, так и неимущественного характера. При этом данные полномочия подлежат прекращению по отношению ко всем детям, не достигшим совершеннолетия.

Законодательство выделяет несколько оснований для применения данной меры. В частности, это может быть обусловлено наличием приговора суда в отношении родителей или одного из них. В данном случае речь идет о приговоре, которым они или один из них осуждены в качестве исполнителей, соисполнителей или соучастников тяжкого или менее тяжкого преступления. При этом речь идет о преступлении, которое было совершено в отношении их ребенка, либо, которое было совершено их ребенком, либо, которое было совершено в отношении другого родителя.

Еще одним основанием для применения данной меры является создание родителями угрозы для безопасности ребенка, его здоровью или нравственности. Это может быть обусловлено плохим обращением, злоупотреблением спиртными напитками, употреблением наркотических средств. Кроме того, это возможно, если указанные угрозы вызваны поведением родителей, которое явным образом не соответствует общепринятым нормам, преступным поведением родителей, а также отсутствием заботы или наставлений.

Вынося решение, суд может лишить родителей родительских прав не только полностью, но и частично. В последнем случае родители утрачивают только определенные полномочия, которые указываются в решении. Кроме

того, принимая решение, суд может предусмотреть, что лишение прав, как полное, так и частичное, имеет силу только в отношении конкретных, уже родившихся детей.

В связи с последним необходимо отметить, что иногда законодательством предусматривается положение, согласно которому, родители, которые были лишены родительских прав в отношении всех своих уже родившихся детей, также будут лишены родительских прав в отношении ребенка, родившегося позднее. В частности, это характерно для законодательства Венгрии.

В рамках польского законодательства вопросы, связанные с семейным правом, регулируются Семейным и опекуном кодексом, в котором используются такие термины, как «родительская власть», «лишение родительской власти», «ограничение родительской власти», «приостановление родительской власти». Как отмечает А. Люткевич-Руциньска ограничение родительской власти может иметь место прежде всего в случае угрозы благополучию ребенка. В частности, это возможно если родителями не выполняются родительские обязанности, не проявляется забота о ребенке. При этом, как указывает автор, ограничение родительской власти не всегда сопряжено с отобранием ребенка у родителей и его передачей на патронатное воспитание, например, в опекуноско-воспитательное учреждение. Если интересы ребенка не требуют его немедленного отобрания у родителей, судом применяется более мягкая мера ограничения родительской власти. При этом на соответствующие учреждения возлагаются обязанности по оказанию помощи семье. Ограничение родительской власти, не сопряженное с отобранием ребенка у родителей, может заключаться, например, в осуществлении надзора, носящего постоянный характер, за выполнением родительской власти со стороны судебного куратора или направлении ребенка в учреждение, осуществляющее частичную опеку над детьми. Приостановление родительской власти применяется при наличии обстоятельств, которые временно препятствуют ее осуществлению. При

прекращении данных обстоятельств, приостановление родительской власти прекращается. В качестве примера таких обстоятельств А. Люткевич-Руциньска называет временную болезнь одного из родителей или его короткое пребывание в пенитенциарном учреждении [29].

Рассмотрев зарубежный опыт по урегулированию отношений, связанных с ограничением родительских прав, можно отметить, что институт ограничения родительских прав во многом носит национальный характер — в каждой стране используется своя специфическая терминология и процедуры, направленные на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних. В тоже время, страны, входившие в состав СССР, имеют крайне схожие, подчас одинаковые положения, регулирующие данный институт.

Различен подход как к основаниям ограничения родительских прав, которые в ряде стран полностью совпадают с основаниями лишения родительских прав, так и к последствиям. В частности, речь идет об объеме правомочий, которых лишаются родители, поскольку в некоторых случаях их перечень прямо указан в законе, а в некоторых данный вопрос оставляется на усмотрение суда.

В целом же, можно отметить «необходимость и важность данного института, направленного на защиту прав и законных интересов ребенка при сохранении реальной возможности возвращения к полноценным семейным отношениям, поскольку законодательство каждой из рассмотренных стран содержит нормы, так или иначе регулирующие его. Об этом также свидетельствует крайне большая роль внутреннего убеждения судьи при рассмотрении данных дел, чья оценка конкретных жизненных фактов подчас является ключевым аспектом в разрешении вопроса о мере, подлежащей применению, а в ряде случаев и вопроса о тех правомочиях, в которых будет ограничен родитель» [33, с. 21].

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию института ограничения родительских прав, необходимо отметить следующее.

Действующее законодательство не содержит дефиниции «ограничение родительских прав». Актуальная редакция п. 1 ст. 73 СК РФ рассматривает ограничение родительских прав как отобрание ребенка у родителей, реализуемое без лишения последних родительских прав. Представляется, что данная формулировка несколько нарушает логическую структуру мер, направленных на защиту интересов ребенка, которая помимо рассматриваемого института включает в себя лишение родительских прав, а также отобрание ребенка в административном порядке в ситуациях, когда существует непосредственная угроза для жизни ребенка или его здоровья. Поскольку в рамках анализируемой меры отобрание ребенка выступает в качестве последствия ограничения родительских прав, аналогично тому, как лишение родительских прав также влечет за собой отобрание ребенка у родителей, это принципиально отличает ее от отобрания ребенка в административном порядке, реализация которого прежде всего направлена на изъятие ребенка из обстановки, представляющей для него угрозу, а не на лишение родительских прав или ограничение в них, поскольку предъявление соответствующего иска в рамках последней процедуры предусмотрено уже после вынесения уполномоченным органом акта об отобрании. В связи с этим, представляется необходимым внесение изменений в п. 1 ст. 73 СК РФ, направленных на приведение данного положения к логической взаимосвязи с положениями, регулирующими смежные институты. В частности, предлагается следующая формулировка п. 1 ст. 73 СК РФ, которая будет соответствовать формулировке, предусмотренной ст. 69 СК РФ, регулирующей институт ограничения родительских прав: «Суд может с учетом интересов ребенка принять решение об ограничении родительских прав».

Данное замечание актуально и для п. 1 ст. 76 СК РФ, который на наш взгляд можно изложить в следующей редакции: «если основания, в силу которых родители (один из них) были ограничены в родительских правах, отпали, суд по иску родителей (одного из них) может вынести решение об отмене ограничения родительских прав и возвращении ребенка родителям».

Вопросы, связанные с правовой природой данного института, являются дискуссионными. Встречаются диаметрально противоположные точки зрения, в рамках которых институт рассматривается либо исключительно в качестве меры защиты интересов ребенка, либо исключительно в качестве меры семейно-правой ответственности. Некоторые авторы указывают на двойную природу данного института, который может выступать и как мера защиты и как мера ответственности. Разграничение же в последнем случае проводится по основаниям, которыми обусловлено применение данной меры. Представляется, что рассматриваемый институт является мерой ответственности для родителей, если ограничение обусловлено их виновным поведением, и исключительно мерой защиты, в ситуациях, когда необходимость его применения связана с обстоятельствами, за которые родители не несут ответственности. При этом в обоих случаях ключевой целью является защита интересов ребенка.

Проведя анализ исторических аспектов становления института в рамках отечественного законодательства, необходимо отметить, что в различные периоды законодатель по-разному подходил к формулировке положений, регулирующих данные правоотношения. Также отличался и подход к определению места данного института среди смежных мер, представленных в действующем законодательстве самостоятельными институтами лишения родительских прав и отобрания ребенка при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью. Действующий Семейный кодекс РФ представляет собой обобщение опыта предыдущих нормативно-правовых актов по данному вопросу и является их логическим продолжением.

Исследование проблемных аспектов, связанных с реализацией

оснований ограничения родительских прав позволило установить следующее.

Исходя из действующей редакции п. 2 ст. 73 СК РФ, основания, с которыми закон связывает реализацию данного института, можно подразделить на две группы. К первой относятся те из них, которые связаны с обстоятельствами, которые не зависят от воли родителей. Ко второй – основания, возникновение которых напрямую зависит от поведения родителей. Критерий, лежащий в основе данной классификации, а именно наличие или отсутствие вины родителей в создании ситуации, представляющей угрозу для ребенка, обуславливает также и различие в последствиях, наступающих в зависимости от того, к какой группе относится обстоятельство, послужившее основанием для ограничения.

Независимо от основания, которым обусловлено применение данной меры, ключевой категорией выступает «опасность», которой свойственен оценочный характер. Действующая редакция Семейного кодекса РФ не раскрывает данное понятие, что порождает дискуссии в научной сфере. Наиболее корректно, на наш взгляд, определить опасность, как наличие реальной угрозы нанесения вреда жизни, здоровью, физического или морального ущерба личности ребенка родителями, подтверждаемой фактическими данными акта обследования условий жизни семьи, свидетельскими показаниями, мнением органа опеки и попечительства, медицинскими заключениями.

Представляется, что в целях оптимизации правоприменительной практики, разъяснения Верховного Суда РФ по вопросам, связанным с данным институтом, могут быть дополнены соответствующими положениями, раскрывающими сущность данной оценочной категории.

Оценочный характер свойственен также и для оснований ограничения родительских прав, связанных с виновным поведением родителей. В данном случае представляется необходимым установить определенные пределы, которые позволят однозначно относить те или иные жизненные обстоятельства к основаниям ограничения родительских прав. Как и в случае

с категорией опасность представляется, что данный вопрос может быть решен путем включения необходимых положений в разъяснения Верховного Суда РФ.

Также, на наш взгляд, являются актуальными предложения, направленные на закрепление некоторых конкретных оснований ограничения, входящих в данную группу. В частности, это относится к неисполнению родителем решения суда об определении места жительства ребенка, о порядке общения с ребенком, а также к случаям создания препятствий второму родителю в реализации его права на воспитание ребенка.

Представляется необходимым усиление роли органа опеки и попечительства в вопросах, связанных с общением родителей, чьи права были ограничены, с ребенком. На наш взгляд, из числа лиц, уполномоченных решать вопрос о возможности такого общения необходимо исключить опекунов, попечителей, а также приемных родителей, отнеся разрешение данного вопроса в случаях передачи ребенка на воспитание указанным лицам к компетенции органа опеки и попечительства. Также представляется необходимым обеспечить осуществление дальнейшего сопровождения данной ситуации со стороны органа опеки и попечительства в целях оценки влияния такого общения на ребенка.

Среди процессуальных вопросов, связанных с ограничением родительских прав можно выделить следующие аспекты.

Действующая редакция ПП ВС РФ от 14 ноября 2017 г. раскрывая кого следует понимать под близкими родственниками ребенка, наделенными правом на предъявление иска об ограничении родительских прав, исходит из содержания абз. 3 ст. 14 СК РФ. В тоже время указанное положение Семейного кодекса РФ направлено на правовое регулирование совершенно иной группы общественных отношений, устанавливая круг лиц, между которыми не допускается заключение брака. В связи с этим, представляется необходимым внесение изменений в ПП ВС РФ от 14 ноября 2017 г. с целью более логичного обоснования круга лиц, уполномоченных инициировать рассмотрение дела об

ограничении родительских прав.

Также действующая редакция ПП ВС РФ от 14 ноября 2017 г. содержит разъяснение, что «удовлетворяя иск об ограничении родительских прав в связи с виновным поведением родителей (одного из них), суду следует разъяснить родителям (одному из них), что в случае если они не изменят своего поведения, к ним может быть предъявлен иск о лишении их родительских прав в порядке и в сроки, предусмотренные абзацем вторым пункта 2 статьи 73 СК РФ». В тоже время в соответствии с действующей редакцией п. 2 ст. 73 СК РФ предъявление иска о лишении родительских прав в указанной ситуации является обязанностью органа опеки и попечительства. Представляется, что указание не на возможность, а на неизбежность предъявления иска при отсутствии изменения поведения родителей в большей степени способно указать родителям на серьезность данной ситуации и способствовать исправлению их поведения. С учетом этого, представляется необходимым внесение изменений в ПП ВС РФ от 14 ноября 2017 г., направленных на приведение данного положения в соответствие с действующей редакцией Семейного кодекса РФ.

Проведя исследование зарубежного опыта в регулировании данного вопроса необходимо отметить следующее.

Правовое регулирование рассматриваемого института в странах СНГ во многом аналогично регулированию в рамках отечественного законодательства. В связи с этим наибольший интерес представляет проблематика, поднимаемая учеными из стран СНГ, а также подходы к дальнейшему совершенствованию законодательства в данной сфере. В частности, обращает на себя внимание указание на то обстоятельство, что ограничение родительских прав, обусловленное поведением родителей, во многих случаях воспринимается ни как мера ответственности, направленная в том числе на стимулирование родителей к исправлению своего поведения, а как освобождение от обязанностей по воспитанию ребенка. В связи с этим представляются актуальными предложения, направленные на усиление

работы, связанной с социальной реабилитацией родителей, включая консультации необходимых специалистов, а также общественные работы.

Исследование европейского опыта в регулировании данного вопроса показало, что законодательство различных стран по-разному подходит к его разрешению, используется разная терминология, по-разному определяется место мер, аналогичных отечественному ограничению родительских прав, в системе мер, направленных на защиту интересов ребенка. В тоже время так или иначе, во всех рассмотренных случаях в законодательстве присутствует мера, направленная на защиту интересов ребенка и в тоже время выступающая в качестве последнего предупреждения для родителей, которые своим поведением создают угрозу для своего ребенка. Данное обстоятельство еще раз подчеркивает важность и актуальность рассматриваемого института.

В заключении хочется отметить, что институт ограничения родительских прав потенциально является мощным и действенным инструментом ранней профилактики семейного неблагополучия.

Список используемой литературы

1. Алексеев А.М., Летунова Е.Т., Федорова М.В. Спорные вопросы лишения и ограничения родительских прав // В сб.: Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 335-339.
2. Богданова Т.А. К вопросу исполнения решений суда по делам о лишении родительских прав и об ограничении в родительских правах // Вестник исполнительного производства. 2016. № 3. С. 65 - 69.
3. Бурдо Е.П. Ограничение родительских прав как институт семейного права РФ // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2015. № 4. С. 81-84.
4. Вахромеева О. Б. Отношения между родителями и детьми: из истории семейного права дореволюционной России // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. №19.
5. Воронина С.В. Назначение иного представителя как частный случай ограничения родительских прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 3 - 6.
6. Галкин А. Г., Джадан Е. И. Лишение и ограничение родительских прав по советскому законодательству: историко-правовой анализ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. №1.
7. Гнетова Л. В, Гуляева Т. Б., Особенности правовой регламентации опекунских учреждений по первому Кодексу законов РСФСР об актах гражданского состояния, о брачном, семейном и опекунском праве 1918г. // Право и государство: теория и практика. 2020. №1 (181).

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023, с изм. от 16.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 14.04.2023, с изм. от 26.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

10. Гришаев С.П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. // СПС КонсультантПлюс, 2017.

11. Губайдуллина Э.Х., Шаталова П.В. Проблемы правоприменительной практики лишения и ограничения родительских прав // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. №3-1.

12. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 17.05.1926 «Об изменении статей 153, 161 и 169 Кодекса Законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 119. 26.05.1926.

13. Дергунова В.А. Ограничение родительских прав как мера ответственности за неисполнение решения суда о воспитании ребенка // Адвокатская практика. 2017. № 2. С. 12 - 17.

14. Дрижак Г.В. Понятие и виды ограничения родительских прав // Вестник магистратуры. 2015. №3 (42).

15. Ерохина Е.В., Петрунина Т.А. Ограничение родительских прав как семейно-правовая ответственность // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. 2023. № 5(44). URL: [https://alley-science.ru/domains_data/files/9May2020/OGRANICHENIE%20RODITELSKIH%](https://alley-science.ru/domains_data/files/9May2020/OGRANICHENIE%20RODITELSKIH%20)

20PRAV%20KAK%20SEMEYNO%20_%20PRAVOVAYa%20OTVETSTVEN
NOST.pdf (дата обращения 10.06.2020).

16. Занина Т.М., Нехорошева С.С. Ограничение родительских прав: возможность использования в административном законодательстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2014. № 4. С. 99-105.

17. Из практики прокурорского надзора по гражданским делам // Законность. 2013. № 11. С. 70 - 74.

18. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16.09.1918) // Собрание узаконений РСФСР, 1918. № 76 – 77. Ст. 818.

19. Кодекс о браке и семье РСФСР (утв. ВС РСФСР 30.07.1969) // Ведомости ВС РСФСР. 1969. № 32. Ст. 139.

20. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.06.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. №1 (ч.1). Ст. 1.

21. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (учебно-практический) (постатейный) // под ред. С.А. Степанова. М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2015. 352 с.

22. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

23. Кравчук Н.В. Изъятие ребенка из семьи: защита его интересов или необоснованное вмешательство в права родителей и детей? // Семейное и жилищное право. 2018. № 3. С. 10 - 13.

24. Красников Е.А. Ограничение родительских прав: понятие, основания, порядок применения, последствия // В сб.: Молодежь и актуальные проблемы современной науки. Материалы российской научно-практической конференции. 2018. С. 206-209.

25. Краснова Т.В. Правовая возможность отобрания ребенка у родителей: социальные риски в законодательстве и пути их преодоления // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. №1 (31).

26. Краснова Т.В., Кучинская Л.А. Материальный и процессуальный аспекты ограничения родительских прав как способ защиты прав несовершеннолетних // Ямальский вестник. 2015. № 4 (5). С. 69-78.

27. Куропацкая Е.Г. Судебные дела об ограничении родительских прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 1. С. 28 - 33.

28. Ладочкина Л. В. Ограничение родительских прав // Вестник СГЮА. 2017. № 4 (117). С. 101-104.

29. Люткевич-Руциньска А. Правоотношения между родителями и детьми в польском семейном праве (избранные вопросы) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. №1 (77).

30. Определение Верховного Суда РФ от 20.02.2018 N 19-КГ17-39 // СПС КонсультантПлюс.

31. Ординарцев И.И. Несовершенство законодательства в сфере ограничения родительских прав как предпосылка судебной ошибки // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2014. № 1 С. 55-63.

32. Пантилеева А.О. Лишение родительских прав как мера защиты ребенка // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. 2023. № 4(79).

URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/4April2023/LIShENIE%20RODITELSKIИ%20PR

AV%20КАК%20МЕРА%20ЗАЩИТЫ%20РЕБЕНКА.pdf (дата обращения 10.06.2020).

33. Петров И.И. Ограничение родительских прав: выпускная квалификационная работа. Тольятти, 2019. 63 с.

34. Петрова М.В. Правовые основы ограничения родительских прав // Научный диалог: Юриспруденция. 2017. С. 17-20.

35. Постановление ВЦИК от 19.11.1926 «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» (вместе с Кодексом) // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

36. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Российская газета. 2017. 20 нояб. № 262.

37. Решение № 2-2705/2018 от 20.07.2018 по делу № 2-2705/2018 – URL:https://www.sudact.ru/regular/doc/nxPdZfLz11Y/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-awchunkinfo=Статья+73.+Ограничение+родительских+прав%28СК+РФ%29®ular-doc_type=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1551007938373 (дата обращения 24.02.2019)

38. Сайдумов Д. Х., Шахбиева М. М. Родительские обязанности лиц, ограниченных и лишенных родительских прав // StudNet. 2020. №10.

39. Сайдумов Д.Х., Шахбиева М.М. Основания и последствия лишения (ограничения) родительских прав в российском законодательстве // Скиф. 2020. №6 (46).

40. Семейное право: учебник / под ред. Р.А. Курбанова. М.: Проспект, 2015. 232 с.
41. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.
42. Семейный Кодекс Таджикистана // АХБОРИ. № 22. Соли. 1998. Таджикистан.
43. Смирновская С.И. Ограничение родительских прав по семейному законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 176 с.
44. Судебная практика в современной правовой системе России: монография / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М.: ИЗиСП, НОРМА, ИНФРА-М, 2017. 432 с.
45. Тарасенкова А.Н. Ваш ребенок и его права: закон и мораль. // М.: Редакция «Российской газеты», 2018. Вып. 15. 176 с.
46. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «Об опеке и попечительстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 17. Ст. 1755.
47. Федеральный закон от 24.06.1999 N 120-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.
48. Шарипов С.С. Виды ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних по законодательству Республики Таджикистан // Законодательство. 2016. № 4 (24). С. 65-68.
49. Якушев П.А. Ограничение родительских прав и семейное воспитание ребенка как семейно-правовая ценность: проблемы соотношения,

пути гармонизации // *Matters of Russian and International Law*. 2016, Vol. 6, IS. 12A C. 124-133.

50. Якушев П.А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика: монография. М.: Проспект, 2018. 144 с.

51. Children Act 1989

52. French Code Civil, 1804.

53. German Civil Code of 18 August 1896.

54. Johansen v. Norway, ECHR, Judgment of 7 August 1996.

55. Lamb, M. Child development and the Law / *Handbook of Psychology*. – 2003. – Vol 6. P. 559-577; Doyle, J. J. Child Protection and Child Outcomes: Measuring the Effects of Foster Care / M. Lamb // *American Economic Review*. – 2007. – No. 97(5). – P. 1583-1610; Removal from the Home: Resulting Trauma / UPenn Collaborative on Community Integration